

На правах рукописи



КОКШАРОВ Сергей Федорович

**КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ  
В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ**

Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена в Отделе археологии и этнографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИА УрО РАН)

**Официальные оппоненты:**

*Зах Виктор Алексеевич*, доктор исторических наук, заведующий лабораторией археологии и естественнонаучных методов

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук;

*Корневский Сергей Николаевич*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела бронзового века

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук;

*Сериков Юрий Борисович*, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет».

**Ведущая организация:**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Оренбургский государственный педагогический университет.

Защита диссертации состоится 27 октября 2015 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, конф.-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и официальном сайте Института [www.archaeology.nsc.ru](http://www.archaeology.nsc.ru)

Автореферат разослан « \_\_\_\_ » июля 2015 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета,  
доктор исторических наук



С.В. Маркин

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение археологических памятников на севере Западной Сибири ведется не одно десятилетие, и в этом направлении достигнуты несомненные успехи. К настоящему времени накоплен значительный корпус источников, отражающих этапы развития культуры местного населения от эпохи камня до Средних веков. Ценность новых материалов, недостаточно хорошо известных специалистам, заключается в том, что они происходят с однослойных или хорошо стратифицированных археологических объектов. Материалы северных памятников позволяют не только уточнить, но и откорректировать существующие культурно-хронологические схемы, разработанные для южных районов региона.

Древности севера Западной Сибири представляют интерес для исследователей и еще по одной причине. Благодаря особенностям рыболовного и охотничьего промыслов, сохранивших местами свое значение до настоящего времени, развитие культуры населения Обь-Иртышья носило непрерывный характер, не осложненный массовыми внешними миграциями.

*Актуальность темы.* Бронзовый век севера Западной Сибири является одним из слабо изученных периодов древней истории. Он примечателен тем, что при отсутствии собственной рудной базы аборигены приобщились к литейному делу, а в досейминское время происходит становление собственного металлопроизводства. В начале позднего бронзового века некоторые южно-таежные группы населения овладевают совершенной технологией тонкостенного втульчатого литья, осваивая производство кельтов простейших форм и других предметов, оснащенных скрытой втулкой. Новая сфера деятельности представляет значительный исследовательский интерес, т.к. ее появление и развитие привело к качественным изменениям в социальной организации северных сообществ. Наконец, материалы севера Западной Сибири позволяют подойти к иному объяснению такого явления, как сейминско-турбинский (СТ) феномен.

*Цель работы* – изучение культуры северного населения Западной Сибири, развивающейся на протяжении эпохи раннего металла (ЭРМ). Ее достижение возможно при наличии упорядоченных во времени источников, позволяющих провести моделирование исторических процессов далекого прошлого.

Обозначенная цель предполагает решение следующих задач:

- рассмотрение истории изучения памятников переходного времени и бронзового века на севере Западной Сибири;
- характеристика важнейших памятников переходного времени и бронзового века Кондинской низменности, Нижнего Приобья и прилегающих территорий;
- критический анализ собранной источниковой базы;
- определение специфики бронзового века на изучаемой территории;

- установление относительного возраста археологических памятников ЭРМ и сопоставление полученных данных с калиброванными  $^{14}\text{C}$  датами;
- корреляция полученной схемы с имеющимися периодизациями региона;
- рассмотрение эволюции материальной культуры и, отчасти, социальной организации северного населения в переходное время и в бронзовом веке;
- определение векторов культурных связей населения севера Западной Сибири в ЭРМ.

*Положения, выносимые на защиту:*

- сложение металлопроизводства на севере Западной Сибири относится к досейминскому времени и не связано с СТ мигрантами;
- определяющее влияние на становление металлообработки в Кондинской низменности оказали популяции Урала и Прикамья, ориентированные на производственные центры Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) среднего бронзового века;
- в сейминское время происходит усложнение социальной структуры некоторых таежных общин, внутри которых выделились мастера-литейщики;
- распространение новых технологий в обработке металла, производстве керамической посуды и однотипных вещей из камня, металла и кости на севера Западной Сибири обусловлено прежде всего системой широтно-меридиональных связей местного населения, а не массовыми миграциями;
- при неизменности хозяйственного уклада рыболовов и охотников в ЭРМ наблюдается вариативность облика керамической посуды и сопровождающего ее инвентаря, что позволяет наметить соответствующие культурно-хронологические горизонты в регионе.

*Новизна работы* предопределена привлекаемой источниковой базой. В исследовании учтены как опубликованные материалы, так и неизвестные находки из раскопок 30–40-летней давности. В работе дан критический анализ источников, отражающих особенности развития культуры сообществ рыболовов и охотников севера Западной Сибири ЭРМ, определено их место в свите синхронных древностей сопредельных территорий.

Северные материалы, сопоставленные с синхронными древностями юга Западной Сибири, Урала и Восточной Европы, позволили решить ряд важных вопросов:

- прослежено развитие культуры рыболовов и охотников севера Западной Сибири, не прерывавшееся вторжениями мигрантов, что, конечно же, не исключает перемещений отдельных групп внутри региона;
- в рамках ЭРМ региона обоснована правомерность выделения переходного периода от неолита к эпохе бронзы и собственно бронзового века;
- установлена особенность переходного периода на изучаемой территории, проявляющаяся в отсутствии изделий из меди и следов ее переработки, хотя таковые известны на синхронных энеолитических памятниках Среднего, Южного Урала и Тюменского Притоболья;
- переходный период разделен на четыре стадии, отражающие изменения в культуре местного населения;

– при градации бронзового века в качестве рубежного маркера учтено появление памятников с вещами СТ облика (изделия из металла, камня, кости) и сопутствующей им керамической посуды варпаульского типа, которые занимают на севере изучаемого региона вполне конкретную хронологическую позицию. Таким образом выделены досейминский, сейминский и постсейминский периоды бронзового века;

– применительно к изучаемой территории признана неправомерность использования понятия «квазиэнеолит» и неуместность обращения к способу производства как критерию археологической периодизации. В качестве приоритетного должен учитываться технологический принцип;

– обоснован вывод о становлении металлопроизводства и функционировании металлообрабатывающего очага в бассейне Конды в досейминский период бронзового века;

– установлено приоритетное значение контактов населения Кондинского бассейна и Нижнего Приобья с различными группами уральского и прикамского населения;

– признана вторичность СТ металлопроизводства на севере региона и исключена его связь с внешними миграциями;

– обращено внимание на недооценку широтно-меридиональных связей населения Северной Евразии, обусловивших распространение металла и способов его обработки, технологий производства керамики, каменных изделий и появление синхронизмов;

– установлен факт разделения труда внутри отдельных общин рыболовов и охотников, приведший к выделению групп мастеров-литейщиков в позднем бронзовом веке.

*Территориальные рамки* исследования ограничены севером Западно-Сибирской равнины, районами, примыкающими с востока к Северному, Приполярному и Полярному Уралу.

Обь – центральная водная артерия севера Западной Сибири, но в нашем случае речь идет не обо всей реке, а лишь о нижнем ее течении, от устья Иртыша на юге до Обской губы на севере, определяемом как Нижняя Обь. На данном отрезке она выдерживает в целом меридиональное направление, пересекая лесоболотную, лесотундровую и тундровую зоны.

На севере Западной Сибири нас интересуют прежде всего Кондинская низменность и Нижнее Приобье, а также граничащие с ними районы, где сосредоточены наиболее значимые археологические объекты переходного времени и бронзового века. В административном отношении территории входят в состав Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов (ЯНАО и ХМАО) Тюменской области и, отчасти, в Свердловскую область.

*Хронологические рамки* исследования охватывают ЭРМ с конца IV до первой четверти I тыс. до н.э. В ее рамках обособлены переходный период от неолита к эпохе бронзы и собственно бронзовый век, отсчет которого ведется с появления ранних полымьятских поселений с первым металлом и следами его обработки. Эпоха бронзы завершается с появлением памятников кульминского

типа, южные параллели которым усматриваются в древностях иткульской культуры железного века Урала и Притоболья.

*Источниковая база* включает археологические, археозоологические, антропологические и иные материалы, происходящие преимущественно с Кондинской низменности, Нижнего Приобья и сопредельных районов севера Западной Сибири. Работа обобщает информацию о поселениях, могильниках, отдельных погребениях, культовых и промысловых объектах ЭРМ, содержащуюся в научных отчетах, и доступные материалы других археологов, не вошедшие по разным причинам в научный оборот.

При составлении карт и иллюстративного ряда были использованы данные из отчетов, хранящихся в архивах Института археологии РАН (Москва), ИИА УрО РАН, археологической лаборатории Уральского федерального университета (УрФУ) (Екатеринбург), научно-производственном центре «Наследие» (Ханты-Мансийск), а также археологические коллекции из фондов УрФУ, Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского (Салехард), Музея природы и человека (Ханты-Мансийск), Музейно-выставочного центра г. Советского, Музейно-культурного центра г. Нягань, музея г. Югорска.

*Объектом исследования* являются исчезнувшие сообщества рыболовов и охотников севера Западной Сибири.

*Предмет исследования* – остатки жизнедеятельности исчезнувшего населения, сохранившиеся в культурных слоях археологических памятников.

*Методология и методы исследования* обусловлены объектом и предметом исследования, а также особенностями изучаемой эпохи.

ЭРМ севера Евразии ознаменована функционированием Балкано-Карпатской (БКМП), Циркумпонтийской и Евразийской металлургических провинций (ЕАМП) (Черных, 1978). Они оказывали прямое или опосредованное влияние на обширные территории, население которых получало необходимое сырье для металлопроизводства (медь, бронзы) из горно-металлургических центров, перенимая технологии обработки металла и ориентируясь на определенный сортамент орудий. В новые системы связей были вовлечены рыболовы и охотники севера Западной Сибири.

Эти процессы изменили со временем социальную структуру древних обществ с производящими и присваивающими формами хозяйства, что раскрывается в работах, посвященных изучению многолинейной эволюции (Классен, 2000; Салинз, 1999; Коротаев, 2003). С другой стороны, общества и культуры испытывают на себе внешние воздействия, включая диффузионные явления. Диффузия признается специалистами универсальным механизмом существования, воспроизводства и функционирования обществ. Она определяет векторы экзогенного развития последних, хотя ее результаты находятся в существенной зависимости от тех исторических контекстов, к которым им приходится адаптироваться (Арутюнов, 1989; Фаган, ДеКорс, 2007; Побережников, 2011). По отношению к Северной Евразии, включая изучаемую территорию, уместно говорить о модели пролиферации (размножения), когда

на местах возникают металлообрабатывающие очаги, ориентированные на использование единых технологических схем, которые самостоятельно ретранслируют нововведения с учетом местной специфики (Побережников, 2011). Обращение к диффузии способствует пониманию процессов становления и развития металлопроизводства, которое резонно рассматривать в качестве одного из ярких примеров глобализации в истории человечества.

В работе использованы традиционные археологические методы исследования: стратиграфический, типологический, сравнительно-исторический, картографический, статистический, приводятся определения археозоологических остатков, выполненные канд. биол. наук П.А. Косинцевым, а также характеристики антропологических коллекций, авторство которых принадлежит д-ру ист. наук В.А. Дремову и канд. ист. наук Д.И. Ражеву. Спектральный и атомно-эмиссионный анализы цветных металлов проведены при деятельном участии канд. ист. наук А.Д. Дегтяревой и С.В. Кузьминых. Относительная хронология памятников сопоставлена с имеющимися калиброванными <sup>14</sup>C датами северных памятников (19 дат для объектов переходного времени и 30 для бронзового века).

*Практическая ценность* исследования заключается в том, что прослеженное развитие культуры северного населения Западной Сибири позволяет верифицировать модели исторических процессов, протекавших восточнее Урала в ЭРМ. На основе полученных материалов возможно написание обобщающих работ по древней истории Урала и Западной Сибири, учебников для средних школ и вузов, разработка общих и специальных учебных курсов для бакалавров и магистрантов. Выводы, полученные автором, используются в лекциях, читаемых им для студентов-историков первого курса Института гуманитарных наук и искусств (ИГНИ) УрФУ. Материалы исследования экспонируются в музеях гг. Югорск, Нягань, Ханты-Мансийск, Сургут (ХМАО), Салехард (ЯНАО), в археологическом музее УрФУ.

*Апробация.* Результаты исследования обсуждались на международных, всероссийских и региональных конгрессах, конференциях, совещаниях и семинарах, проходивших в Москве, Ханты-Мансийске, Сургуте, Березово, Тюмени, Тобольске, Томске, Уфе, Екатеринбурге и Челябинске. Основные положения работы опубликованы в одной авторской монографии, в 9 авторских разделах 7 коллективных монографий, а также в 97 статьях, материалах и тезисах конференций на русском, английском и немецком языках. 16 статей изданы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК.

*Структура работы.* Диссертация состоит из введения, 5 глав, заключения, графических иллюстраций и таблиц. Объем: основной текст – 425 с.; таблицы – 20; графические иллюстрации – 269 ед.; список архивных дел – 45 экз.; список литературных источников – 582 экз.

## СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

**Глава 1 «История изучения памятников бронзового века севера Западной Сибири»** построена по хронологическому принципу. В ней рассмотрено изучение памятников ЭРМ на севере региона, а также отмечен личный вклад исследователей.

В 1950-е гг. В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская первыми поставили вопрос о наличии памятников бронзового века на севере Западной Сибири, обратив внимание на специфику материалов Салехардской, Сартыньинской стоянок, жертвенного места Сузгун. Результаты их работ обобщены в монографии «Древняя история Нижнего Приобья» (1953).

1960–1990-е гг. связаны с активизацией исследований археологов из научных и вузовских центров Урала, Западной Сибири, Москвы и Ленинграда и накоплением источников, датируемых бронзовым веком. В это время обследуются бассейны рр. Тавды, Туры, Конды, Северной Сосьвы, Васюгана, среднее и нижнее течение Оби, южная часть полуострова Ямал. Добыча углеводородного сырья на севере Тюменской области (ЯНАО, ХМАО) сопровождалась развитием коммуникаций, что позволило археологам обследовать самые труднодоступные районы. В это время в археологической литературе закреплялись такие дефиниции, как пернашорский, йоркутинский, хэяхинский, сотниковский, лозьвинский и вагильский типы памятников, сартыньинская, атлымская, барсовская и другие культуры.

Последние годы ознаменовались выпуском монографических исследований. Они посвящены не только рассмотрению материалов отдельных памятников, например, керамики позднего бронзового века низовьев Конды (Глушков, Захожая, 2000), могильника сейминского времени Сатыга XVI (2011), но и обоснованию локальных хронологических схем. В этом отношении представляют интерес работы Ю.Ф. Кирюшина (2004) и Ю.П. Чемякина (2008), упорядочивающие археологические материалы Васюганья и Сургутского Приобья. Некоторые проблемы в изучении ЭРМ отражены в пленарном докладе С.Ф. Кокшарова на II Северном археологическом конгрессе (2006).

Значительный вклад в разработку региональной периодизации внесен В.И. Матющенко и М.Ф. Косаревым, одним из учеников и последователей В.Н. Чернецова.

Если первый специалист представлял бронзовый век как череду сменяющих друг друга археологических культур (самусьская, андроновская, еловско-ирменская), то в периодизации второго исследователя большое внимание уделено облику датирующих металлических вещей, декоративно-морфологическим изменениям керамической посуды, а также социально-экономическим и этнокультурным процессам, на которые оказали влияние изменения окружающей среды. Отталкиваясь от археологических источников, М.Ф. Косарев сначала отделил переходное время от неолита к бронзовому веку, или ЭРМ, в рамках которой выделил энеолит и ранний бронзовый век. Он обособил периоды ранней, развитой (с разделением на самусьско-сейминскую и



андроновскую эпохи) и поздней бронзы, переходное время от бронзового века к железному. Однако М.Ф. Косарев не ограничивался изучением археологического материала, упорядочивая его по т.н. хронологическим пластам, или горизонтам, он стремился выйти на исторические обобщения.

В соответствии с региональной периодизацией бронзового века, предложенной М.Ф. Косаревым, в 1979 г. рассмотрены древности Васюгана (А.М. Малолетко, Ю.Ф. Кирюшин), в 1986 г. обобщены материалы ЭРМ п-ва Ямал и устья Оби (Л.П. Лашук, Л.П. Хлобыстин), в 1989 г. разработаны схемы развития культур рыболовов и охотников Нижнего и Сургутского Приобья (Е.А. Васильев, Ю.П. Чемякин), в 1991 г. намечены этапы развития культуры населения р. Конды (С.Ф. Кокшаров).

Заметный вклад в разработку периодизации бронзового века Северной Евразии, включая территорию Западной Сибири, внес Е.Н. Черных. Исследователь рассматривает энеолит и собственно бронзовый век на территории СССР в качестве этапов ЭРМ. Согласно его периодизации, изменение типов инвентаря, технологий металлообработки и использование новых сплавов происходило в рамках БКМП, ЦМП и ЕАМП.

В совместных работах Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых уделено повышенное внимание соотношению вещей СТ и самусьско-кижировского (СК) облика (литейные формы, металлические изделия) (1987; 1989). Специалисты пришли к выводу о вторичности СК памятников, связав становление собственного металлопроизводства на севере Западной Сибири с внешней миграцией СТ металлургов в начале позднего бронзового века.

Несмотря на разработки Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, значительная часть археологов по-прежнему отдает предпочтение периодизации бронзового века, предложенной М.Ф. Косаревым. Вместе с тем схемы Косарева и Черных–Кузьминых имеют свои сильные и слабые стороны, и, думается, было бы правильнее их не противопоставлять, а использовать как взаимодополняющие. Естественно, периодизация ЭРМ севера Западной Сибири должна рассматриваться как региональная, но в ней следует максимально полно учитывать позиции евразийской схемы Е.Н. Черных.

Нерешенной проблемой в изучении памятников ЭРМ является разрыв между относительным возрастом археологических объектов, устанавливаемым традиционными методами исследования (типологический, стратиграфический), и калиброванными <sup>14</sup>C датами. Специалисты призывают взвешенно и аккуратно подходить к последним, настаивая на необходимости их критической оценки с обязательным учетом всего археологического контекста. Замечено, что последовательность событий устанавливается традиционными археологическими методами, а синхронность явлений фиксируется абсолютной хронологией (Ю.Л. Щапова).

**Глава 2 «Важнейшие памятники переходного времени от неолита к бронзовому веку»** состоит из трех параграфов, в которых рассмотрены материалы с поселений Кондинской низменности и Нижнего Приобья, а также

с могильников и одиночных погребений переходного времени. Описание объектов и связанных с ними находок дополняют графические рисунки и таблицы, помещенные в приложениях.

В начале главы рассмотрен вопрос корректного использования понятия «энеолит» по отношению к изучаемой территории. В.М. Массон связывает его начало с переходом древних обществ к производящему хозяйству (1982). Оппоненты выделяют энеолит как этап исторического развития вне зависимости от перехода популяций к земледелию и скотоводству (Черных, 1965; Мерперт, 1981; Стоколос, 1988 и др.). Он учитывает прямые признаки нового времени (использование и производство медных предметов) и положен в основу археологической периодизации, основанной на технологическом принципе. Однако специфика памятников на севере Западной Сибири проявляется в отсутствии изделий из металла и следов его обработки, что не дает формальных оснований для обращения к термину «энеолит». Исходя из этого, уместно оперировать определением М.Ф. Косарева «переходное время от неолита к бронзовому веку», которое и используется в предлагаемой работе.

Интересующие нас территории – Кондинскую низменность и Нижнее Приобье – отличает неравномерная изученность, что отражено в количестве открытых археологических памятников. Если в первом районе учтен 221 пункт с материалами переходного времени, то во втором лишь 20. Соотношение сохраняется и при подсчете сооружений, исследованных раскопками. На памятниках Кондинской низменности обнаружены остатки 14 жилищ, а в Нижнем Приобье – 4. Это объясняет повышенный интерес к кондинским материалам.

Источники различны по степени информативности. Это обусловлено не только качеством проводившихся исследований, но и характером изученных поселений, среди которых выделяются однослойные и многослойные памятники. Работа с некоторыми коллекциями осложнена смешанностью слоев и неудовлетворительной сохранностью археозоологических остатков.

К числу базовых объектов переходного времени Кондинской низменности относятся раскопанные поселения рр. Тавды (Атымья IV и VII) и Конды (Геологическое III, VII, XVI, Волвонча I, Пашкин Бор VI, Енья 12 и др.). Из исследованных жилищ и иных построек происходит разновременная керамическая посуда (ушьинский, еныйский, атымьинский и волвончинский типы), с которой связаны изделия из камня, керамики и фаунистические остатки. На некоторых поселениях зафиксированы скопления керамических грузил от рыболовных сетей (Атымья IV; Геологическое III, раскоп III; Геологическое XVI, раскопы I, III и др.) и большое количество отходов производства каменных орудий из галечникового сырья. На двух памятниках выявлены производственные площадки по обработке галечникового кварца (Геологическое XVI, раскопы I–III) и яшмы (Пашкин Бор VI).

Важнейшие археологические объекты Нижнего Приобья, исследованные раскопками, – поселения Амня IA, Каксинская Гора 3, Ясунское, Сартынья I и Хулюм-сунт. Полученные материалы демонстрируют иные традиции в

домостроении (канавки по периметру котлованов, наличие двух выходов) и керамическом производстве, что проявляется в декоративно-морфологических характеристиках изготавливавшейся посуды и полном отсутствии керамических рыболовных грузил для сетей. Несмотря на имеющиеся особенности нижеобской посуды, она имеет черты, присущие керамике еныйского, атымьинского и волвончинского типов Кондинской низменности. Судя по всему, одни группы местного населения активно разрабатывали галечники, из которых обычно выбирали кварц (Амня IА), а другие использовали в большей степени кремневое сырье (Каксинская Гора 3).

Немногочисленные могильники и одиночные погребения севера Западной Сибири объединяют такие черты как захоронения по обряду ингумации (при единичных кремациях), неудовлетворительная сохранность останков погребенных, небольшое количество сопроводительного инвентаря и наличие охры на дне могильных ям, отсутствие погребальной керамики, что затрудняет установление типологической и культурной принадлежности объектов. На самых крупных могильниках Лева VIII (р. Конда) и Старые Покачи 5.1 (р. Аган) обнаружено лишь по 7 погребений, что в разы меньше, чем на энеолитических некрополях Тюменского Притоболья. Из могил происходят каменные шлифованные наконечники стрел с шипами (Покачи 5,1, Леуши XIV, Ясунское), каплевидные подвески (Покачи 5,1, Лева VIII), рассматриваемые специалистами в качестве хрономаркеров энеолитических древностей в более южных районах Урала и Западной Сибири. Возраст погребальных памятников переходного времени корректируется серией калиброванных  $^{14}\text{C}$  дат могильника Старые Покачи 5.1.

**Глава 3 «Обсуждение материалов переходного времени от неолита к бронзовому веку»** посвящена анализу материалов и определению времени существования памятников, рассмотренных в предыдущей главе. Представительность памятников Кондинской низменности позволяет максимально полно проследить развитие культуры рыболовов и охотников в данной части севера Западной Сибири. Исходя из облика керамики и сопутствующего ей вещевого инвентаря, здесь выделены четыре типа поселений, сменяющих во времени друг друга: ушьинские, еныйские, атымьинские и волвончинские. Эта схема выходит за пределы Кондинской низменности, поскольку каждый из типов обнаруживает несомненные параллели среди энеолитических древностей сопредельных территорий, входящих в определенные культурно-хронологические пласты, или горизонты.

Керамика *ушьинских* поселений имеет очевидное сходство с сосудами шапукульской культуры Тюменского Притоболья, шувакишской и ницинской керамикой Среднего Урала и р. Туры. Близость сравниваемых материалов проявляется в тонкостенности емкостей, отсутствии наплывов под венчиком, в наборе использованных гребенчатых штампов и орнаментальных мотивах. Исследования 2000-х гг. в верховьях Конды позволяют включать в ушьинские комплексы наконечники стрел кельтеминарского типа, что делает

выстраиваемые параллели еще убедительнее. Бытование ушьинских памятников устанавливается по стратиграфии, облику вещей и  $^{14}\text{C}$  датам, полученным для шапкульских и шувакишских поселений: последняя треть IV – рубеж IV–III тыс. до н.э.

*Еныйские* поселения по представительности не уступают рассмотренным выше. Специалисты, исследовавшие еныйскую керамику, обращают внимание на обработку стенок грубыми шпателями и на наличие гребенчатых узоров в виде сеток, вертикальных колонок и зигзагов, не характерных для материалов неолита. Аналоги еныйской керамике обнаружены в культурных слоях Соснового острова, Гилево VIII, Истоке IV и др. в Нижнем Притоболье, где ими перекрыты неолитические объекты. С еныйской керамикой Конды найдены каплевидные каменные подвески и шлифованные наконечники стрел с жальцами, рассматриваемые в качестве атрибутов энеолитического периода. По стратиграфии, облику посуды и связанному с нею вещевому материалу, еныйские древности следует датировать первой третью III тыс. до н.э., что согласуется с имеющимися калиброванными  $^{14}\text{C}$  датами.

Исходя из топографии, характера сооружений и состава находок, *атымьинские* поселения разделены на стоянки, функционировавшие в местах сезонных промыслов рыболовов и охотников (Атымья II, IV, Геологическое XVI), и базовые поселки, где проживали таежные общины (Еныя 12). Локальные особенности проявляются в орнаменте керамической посуды и составе каменного сырья. Обитатели верховьев Конды испытали влияние нижнеобского (или северососьвинского) населения, оставившего пернашорский комплекс на поселении Геологическое III.

Независимо от состава каменного сырья, ведущей формой заготовки у жителей Кондинской низменности и Нижнего Приобья был отщеп, полученный контрударным расщеплением. Материалы обеих территорий объединяет незначительное количество типологически выраженных орудий (наконечники стрел, скребки, долотовидные орудия, подпятники, «каменные диски»). На атымьинских поселениях появляются самые архаичные типы керамических грузил для сетей в форме сфероидов. Традиция изготовления керамических грузил, сложившаяся в переходное время, сохранялась на Конде на протяжении всей ЭРМ. Ей следовало население Васюганья, Тюменского Притоболья, Северного Казахстана, но она не прижилась в Нижнем Приобье.

Атымьинскую керамику отличает изящный орнамент, в котором неизменно присутствуют геометрические фигуры, построенные на основе рассеченных по горизонтали и вертикали сеток, среди которых есть четырех- и шестиугольные (сотовые). Часть узоров построена по принципу синонимии, характерному для орнамента северных самодийцев и таежных угров. Атымьинские и пернашорские поселения включаются в состав энеолитических общностей Зауралья (А.Ф. Шорин, Н.М. Чаиркина, Л.Л. Косинская и др.).

Расположение слоев и планиграфия объектов указывают на более поздний возраст поселений с атымьинской керамикой по отношению к еныйским (Еныя 12, Геологическое III). Этот вывод согласуется с обликом

керамической посуды и сопутствующими находками, а также с калиброванными датами по углю. Данные позволяют отнести атымьинские поселения Кондинской низменности ко второй трети III тыс. до н.э.

*Волвончинские* памятники делятся на базовые поселки (Волвонча I) и промысловые стоянки (Геологическое III, XVI), располагаясь в тех же местах, что и атымьинские памятники. По-прежнему сохраняется своеобразие культуры верхнекондинского населения, проявившееся в декоре керамики (арочные штампы) и обработке кварцевого сырья. Посуда волвончинского типа отличается от других комплексов переходного времени поясами из глубоких наколов гребенчатых штампов, сближающих ее с керамикой андреевской культуры. На синхронность волвончинских и андреевских поселений указывают сигаровидные рыболовные грузила. Примечательно, что тот же тип грузил встречен в культурных слоях поселений Тюменского Притоболья и постботайских комплексах Северного Казахстана.

Волвончинские поселения сменяют атымьинские, но предшествуют ранним полымьятским начала бронзового века. Это подтверждают стратиграфические, планиграфические наблюдения (Лева VIII, Геологическое III, XVI), облик находок и единичные  $^{14}\text{C}$  даты с поселения Волвонча I. Исходя из имеющихся данных, волвончинские материалы отнесены к последней трети III тыс. до н.э.

**Глава 4 «Важнейшие памятники бронзового века»** состоит из трех параграфов. В первых двух содержится информация о поселениях Кондинской низменности и Нижнего Приобья с прилегающими к нему территориями. Внимание акцентировано на опубликованных материалах и объектах, изученных автором работы или при его участии. Ключевые материалы и находки воспроизведены в графических иллюстрациях, количественные характеристики приведены в таблицах, помещенных в томе приложений.

Начало бронзового века совпадает с распространением металла и становлением собственного литейного производства на севере Западной Сибири. В настоящее время на изучаемой территории учтено 25 пунктов, на которых обнаружены не только металлические предметы, слески металла, но и технологическая керамика (тигли, литейные формы, сопла).

Поселений, относящихся к различным периодам бронзового века, значительно больше на Кондинской низменности, чем в Нижнем Приобье: 261 против 54. Если в первом районе исследованы раскопками свыше 30 жилищ, то во втором, с прилегающими к нему территориями, – чуть более десятка.

К важнейшим поселениям Кондинской низменности относятся: Геологическое III, VI, XVI, Большая Умытья 28, Атымья IA (истоки рр. Конды и Тавды); Лева VIII, X, XII, Леуши XIX, Талья I (среднее течение Конды); Волвонча I, Пашкин Бор I, Ленино I, Чилимка I, III, VII, VIII, XIII, XXIII (нижнее течение Конды). На памятниках исследованы жилища, хозяйственные постройки, очаги и иные объекты, содержащие керамическую посуду различных типов – раннюю и позднюю полымьятскую, варпаульскую,

лосьвинскую, позднюю гребенчато-ямочную. Перечисленные керамические комплексы связаны с различными периодами бронзового века.

Материалы раскопок дают представление о топографии поселений, планиграфии поселков и конструктивных особенностях жилищ. Эта информация дополняется различными категориями находок, сопутствующих выделенным типам керамики: изделиями из глины, камня, металла, кости, археозоологическими и антропологическими материалами. Особое внимание уделено стратиграфии кондинских поселений, позволяющей установить очередность культурных напластований переходного времени и начала бронзового века, а также отложений эпохи бронзы. В определении возраста древностей использованы калиброванные даты по углю, которые сведены в одну из таблиц приложения. Серия из 17 дат связана с памятниками кульёганского типа Сургутского Приобья, еще 7 дат получено для поселений атлымской культуры Нижнего и Сургутского Приобья.

Особенности культуры рыболовов и охотников Нижнего Приобья и прилегающих к нему районов отражают материалы поселений Ендырское VIII, Низямы VIII, Сартынья I, Лов-Санг-Хум III, Вары-Хадыта II, Горный Самотнёл-1, Щетнмато-лор и других, где выявлены жилища и хозяйственные постройки. С ними связана керамическая посуда и сопутствующий ей инвентарь из камня, металла и глины. Древности соотносятся с сартыньинской и атлымской культурами, с комплексами йоркутинского, сынского, кульёганского, хяхинского, вары-хадыта типов и объектами с неустановленной типологической принадлежностью (Паром 1, Пякупур 3, Пяку-то I и др.). Многочисленность выделенных типов памятников и культур объясняется слабой изученностью территорий, что осложняет установление ареалов тех или иных древностей. Тип керамики может быть представлен на одном местонахождении (йоркутинский, хяхинский) или раскопанном памятнике (сынский).

Несмотря на имеющиеся особенности, отдельные категории вещей с Нижнего Приобья (бытовая посуда, изделия из металла, технологическая керамика, каменный инвентарь) имеют очевидные параллели в археологических коллекциях бронзового века Кондинской низменности и более южных территорий Западной Сибири. Это обстоятельство облегчает установление возраста тех или иных объектов, а также выстраивание культурно-хронологических горизонтов в рамках изучаемой эпохи.

В третьем параграфе рассмотрены материалы немногочисленных северных могильников и отдельных захоронений, промысловых и культовых объектов.

Крупнейшие на сегодняшний день некрополи сейминского времени – Сатыга XVI (р. Конда) и Товкуртлор 3 (р. Казым). Несмотря на одновременность, схожесть обряда погребения (ингумации в грунтовых ямах), памятники демонстрируют локальные отличия, отраженные в количестве и составе сопроводительного инвентаря.

На Сатыге представлены пластинчатые бронзовые ножи, асимметричные ножи и наконечники стрел из кремня, имеющие прямые аналоги в Турбино, Сейме и Ростовке. Посуда, обнаруженная в межмогильном пространстве (~30% коллекции), связывается с поминальными церемониями и, не имея отношения к погребальному обряду, должна рассматриваться как поселенческая. Находки с могильника отражают интенсивные обменные связи населения в данный период позднего бронзового века, которые привели к оформлению транскультурного облика этого и других памятников СТ типа. Сатыга XVI не только демонстрирует особенности погребального обряда рыболовов и охотников, но и отражает разделение труда внутри общины, оставившей могильник. На памятнике зафиксирован хронологический разрыв между древностями бронзового века, выделенными на р. Конде, – зафиксировано перекрытие могилы 11, содержащей полымьятский баночный сосуд, погребением 9 с горшком варпаульского типа.

В могильнике Товкуртлор 3 найден один бронзовый нож-скобель, коллекция кремневых наконечников, аналогичных турбинским, обломки нескольких сосудов. Сохранность антропологических остатков значительно хуже сатыгинских.

Здесь же рассмотрен комплекс ловчих ям Геологическое I с верховьев Конды, связанный с керамикой лозьвинского и атлымского типов. Это один из первых идентифицированных объектов пассивной охоты, воспринимавшихся прежде как остатки поселений. Промысловые объекты локализуются на водоразделах, в ложбинах, по которым копытные выходили на водопой. Они свидетельствуют о том, что древние охотники великолепно ориентировались в своих угодьях, тщательно подбирая места для сооружения ловушек.

Культовую практику северного населения отражает комплекс Сайгатино VI сейминского времени (Сургутское Приобье). Он включает керамическую посуду варпаульского типа, литейные формы из глины и камня СК облика, каменные, костяные изделия, обломки бронзового втульчатого предмета. Аналоги находок из Сайгатино можно встретить в Сатыге XVI, Канинской пещере, Шайтанском озере II, черноозерских могильниках андроновской культурно-исторической общности (АКИО). Памятник имеет ключевое значение в определении хронологической позиции СТ древностей, а с другой стороны, свидетельствует о существовании в сейминское время святилищ, на которых жертвовались разнообразные вещи, дикие животные и даже люди.

**Глава 5 «Обсуждение материалов бронзового века»** посвящена анализу рассмотренных в четвертой главе материалов, отражающих различные стороны деятельности северного населения, а также выяснению возраста памятников.

Материалы Кондинской низменности дают наиболее полную картину развития культуры населения на севере Западной Сибири. Источники позволяют установить относительный возраст археологических объектов и культурных напластований и, привлекая имеющиеся калиброванные <sup>14</sup>C даты, наметить периодизацию бронзового века изучаемой территории. В ее основу

положены качественные изменения в металлообработке (сортамент металлопродукции, состав металла). В градации бронзового века признано целесообразным придерживаться определений, обоснованных и укоренившихся в археологической литературе. Речь идет о таких терминах как досейминский, сейминский и постсейминский периоды. Древности, относящиеся к каждому из них, описаны в отдельных параграфах. Параллельно представлены материалы нижнеобских памятников, демонстрирующие исключительную вариативность и существенно расширяющие представление об особенностях культуры местного населения в рассматриваемое время.

Памятники *досейминского времени* Кондинской низменности представлены поселениями полымьятского типа, делящимися на базовые поселки (Волвонча I, Пашкин Бор I, Большая Умытья 28) и сезонные промысловые стоянки (Атымья IA, Геологическое III, XVI и др.), что отражает неизменность хозяйственной деятельности северного населения. В поселках возводились большие дома (~200 м<sup>2</sup>), хорошо распознаваемые на местности. Крупные дома площадью 93–260 м<sup>2</sup>, служившие для проживания общин рыболовов и охотников, известны на Северной Сосьве, в Васюганье, Сургутском и Нижнем Приобье и Надым-Пуровском междуречье.

Почти во всех базовых поселках отмечено литейное производство. Оно велось внутри больших домов (Пашкин Бор I), на производственных площадках (Лева VIII) и в специальных мастерских (Ендырское VIII).

Преемственность в развитии культуры населения бронзового века и предшествующего переходного времени отражают материалы промысловых стоянок в верховьях Конды. Они расположены на месте заброшенных селений переходного времени. Здесь возводились постройки меньшего размера (21,1–68,6 м<sup>2</sup>), а культурный слой памятников незначителен и локализуется внутри сооружений. Кроме жилищ строились сооружения для хранения промыслового снаряжения и обработки камня. Исходя из топографии кондинских памятников и их особенностей, к промысловым лагерям можно отнести стоянки Атымья IA (верховья Тавды), Малая Моховая, поселение Чернореченское (Сургутское Приобье), некоторые объекты в бассейне Васюгана.

Комплексы переходного времени и полымьятские памятники Верхней Конды сближает доминирование кварцевого сырья, расщеплявшегося в контрударной технике для получения отщепов, небогатый набор морфологически выраженных орудий. В поздних полымьятских объектах появляются изделия, не встречавшиеся прежде, – черешковые («сейминские») наконечники стрел и каменные подвески-лунницы, характерные для доандроновских памятников Западной Сибири.

В досейминское время сохраняется традиция изготовления керамических грузил для рыболовных сетей. Первый тип грузил оснащен двумя выступающими рожками и известен в памятниках доандроновского времени Тюменского Притоболья, Среднего Прииртышья, Васюганья и Сургутского Приобья. Второй тип можно рассматривать как реминисценцию биконических грузил переходного времени.



Волвончинскую и раннюю полымьятскую керамику сближает наличие круглодонных емкостей, использование различных формовочных масс в верхнем и нижнем течении Конды, сохранение в декоре глубоких наколов гребенчатых штампов, собранных в широкие пояса. С другой стороны, население, оставившее полымьятские поселения, чутко реагировало на новшества в керамическом производстве, перейдя к изготовлению плоскодонных банок. В ранних полымьятских комплексах есть сосуды с псевдотекстильными отпечатками, которые характерны для одиновской и крохалевской культур, а в поздних встречаются банки, сформованные на опрокинутых сосудах-шаблонах в соответствии с традициями синташтинских и петровских гончаров.

Полымьятская керамика указывает на связи, которые поддерживало население Кондинской низменности в досейминское время. На контакты с уральцами указывает фрагмент сосуда с примесью талька (Пашкин Бор VI). Обитатели верховьев Конды активно общались с нижнеобскими рыболовами и охотниками, о чем свидетельствует распространение сосудов ладьевидных форм и орнамент в виде лент, рассеченных сеток, включая «сотовые» фигуры, которые характерны для керамики сартыньинской культуры и арктических памятников типа вары-хадыта. Популяции с нижнего течения Конды поддерживали тесные отношения с населением Прииртышья и Нижнего Притоболья. Не случайно археологи отмечают общие черты, присущие поздней полымьятской керамике Волвончи I и Пашкиного Бора I, а также посуде кротовской, степановской и ташковской культур. На тот же вектор связей указывают материалы, связанные с обработкой металла.

В досейминское время в Кондинской низменности складывается и динамично развивается собственный очаг металлообработки. Сначала здесь осваивается литье заготовок-полуфабрикатов в односторонних открытых формах двух типов с использованием керамических сопел (ранние полымьятские поселения), а позже – производство втульчатых кельтов и небольших копий (поздние полымьятские поселения). Морфологические особенности продукции в сочетании с декором (и отсутствием такового) не дают оснований для отнесения ее к СТ или СК сериям металла. Сырье могло поступать с Южного и Среднего Урала, Прикамья и, возможно, с Алтая или Центрального Казахстана.

Стратиграфия и планиграфия, появление технологической керамики и металла, а также облик бытовой керамики указывают на более молодой возраст ранних полымьятских поселений по отношению к волвончинским. Это самые ранние из древностей бронзового века на севере Западной Сибири. Однако, учитывая аналоги литейных форм, которые получили распространение у литейщиков поздней фазы ЦМП, кондинские памятники следует относить к среднему бронзовому веку согласно евразийской схеме. Выводу не противоречит химический состав металла: это чистая медь, медь с микропримесью мышьяка и подвеска-лунница из биллона. Ранние

полымьятские поселения датированы последней третью III тыс. до н.э. и включены в одиновско-крохалевский хронологический горизонт.

Последовательность ранних и поздних полымьятских культурных отложений и объектов установлена на поселении Геологическое III. Эти данные согласуются с обликом литейных форм для изготовления втульчатых орудий, появляющихся в позднем бронзовом веке, находкой ножа из оловянно-мышьякового сплава, бытовой керамики и сопутствующего ей вещевого материала. Схожие декоративно-морфологические характеристики поздней полымьятской и кульёганской керамики Сургутского Приобья дают основания для привлечения калиброванных <sup>14</sup>C дат кульёганских поселений в установлении возраста кондинских древностей. Они позволяют отнести их к концу III– первой трети II тыс. до н.э. и синхронизировать с синташтинской и петровской культурами начала позднего бронзового века, ташковскими, ранними (?) кротовскими, поздними сартыньинскими и кульёганскими памятниками, арктическими комплексами типа вары-хадыта.

Находки *сейминского времени* на севере Западной Сибири происходят с 29 памятников, 16 из которых локализованы на р. Конде. К ключевым объектам, изученным раскопками, относятся поселение Ленино I, могильники Сатыга XVI, Товкуртлор 3 и культовый комплекс Сайгатино VI. Древности этого периода постоянно пополняются единичными находками изделий из металла (кельты из Самарова и с Андреевского озера) и асимметричными ножами из кремня (рр. Сыня, Щекурья и верховья Конды).

Со всех раскопанных памятников происходит керамика варпаульского типа, которая обычно не привлекала внимания археологов. Это слабопрофилированные горшки и банки с монотонными линейными композициями, выполненными в печатно-гребенчатой технике, которые иногда разрежены зонами, свободными от орнамента. Прежде они ошибочно соотносились с ранней полымьятской и кротовской посудой (С.А. Григорьев, С.В. Кузьминых и А.Д. Дегтярева) или рассматривались в качестве погребальной керамики населения, оставившего поздние полымьятские поселения (В.И. Стефанов, О.Н. Корочкова).

Внимание к Сатыге XVI, Товкуртлору 3 и Сайгатино VI было обусловлено тем, что с них происходят выразительные предметы из металла, камня, керамики и кости, имеющие очевидное сходство с СТ и СК комплексами. По мнению Е.Н. Черных и его коллег, кондинский могильник оставили СТ мигранты в начале позднего бронзового века. По С.В. Кузьминых, другая СТ популяция, шедшая северным путем через Нижнее Приобье, оставила некрополь Товкуртлор 3, хотя В.И. Стефанов и О.Н. Корочкова не разделяют этот взгляд, указывая на принадлежность кладбища местному населению. Что касается Сайгатино VI, то он отнесен к СК комплексам, оформление которых, согласно культурологической модели СТ феномена, произошло в постсейминское время. В результате памятникам с варпаульской керамикой отводится неоправданно широкий хронологический диапазон.

Таким образом, рассмотрение объектов сейминского времени изучаемого региона тесно связано с вопросами хронологии, в частности с проблемами соотношения керамических комплексов полымьятского и варпаульского типов, а также древностей СТ и СК облика, поскольку без выстроенных в хронологической последовательности материалов любые интерпретации событий данного этапа бронзового века Северной Евразии крайне уязвимы.

С обозначенных позиций проанализированы материалы могильника Сатыга XVI, где зафиксировано перекрывание погребения 11 с полымьятским сосудом могилой 9, в которой найден варпаульский горшок. Это важный факт хронологического приоритета полымьятских древностей по отношению к варпаульским. Синхронизация полымьятского и варпаульского типов керамики с объяснением их различий функциональным назначением посуды (поселенческая и погребальная) также не может быть принята. Около 30% варпаульских емкостей Сатыги XVI из межмогильного пространства связано с поминальными церемониями, для которых родственники приносили обычную кухонную посуду, имеющую мало общего с поздней полымьятской.

По наличию горшков и небольших квадратных емкостей, по особенностям декора варпаульские коллекции севера Западной Сибири сближаются с раннееловской и ненарядной посудой черноозерских памятников АКЮ (М.Ф. Косарев), с бишкульскими материалами, относимыми к поселенческой федоровской керамике. В число параллелей можно включить коптяковские комплексы Андреевского озера, связанные с эпонимными памятниками Урала (Шайтанское озеро II) и Прикамья (Заосиново VII, Непряха VII, Партизаны IV). Кстати, исследователи допускают участие южных популяций, в частности, алакульских, в сложении коптяковской культуры.

В варпаульско-коптяковские параллели хорошо вписывается литейная форма из талькохлоритового сланца СК типа (Сайгатино VI), нож срубно-андроновского типа (Сатыга XVI), костяные пластинки с отверстиями (Сатыга XVI, Сайгатино VI, Шайтанское озеро II), кремневые асимметричные ножи и наконечники стрел треугольной формы с плоским основанием, типичные для СТ памятников Евразии. Синхронизация варпаульских и андроновских комплексов устанавливается также по керамическому грузилу с перехватом (Ленино I) и по матрице для отливки ажурных колец с помещенным внутрь антропоморфным изображением (Сайгатино VI, Черноозерье I, Боровлянка XVII). Замечу, что ранее актуальность черноозерских и сатыгинских соответствий озвучивалась Н.К. и В.И. Стефановыми. Таким образом, источники позволяют синхронизировать СТ и СК типы вещей, входящих в состав варпаульских комплексов, соотнести последние со временем существования памятников АКЮ и датировать памятники сейминского времени севера Западной Сибири второй третью II тыс. до н.э.

Стабилизация на территории евразийских степей в постсинташтинское время, отмечаемая многими исследователями, привела к формированию срубной и андроновской общностей. Их носители обеспечили устойчивые обменные процессы, нивелировавшие облик материальной культуры у

населения на значительной части Евразии: получил распространение сходный металлический, каменный и костяной инвентарь, а также технологии его производства. Популяции севера Западной Сибири, знакомые с металлом и приемами его обработки в досейминское время, также не остались в стороне от интеграционных процессов. Обитатели Васюгана и, вероятно, Конды, приобщаясь к производящему хозяйству, не только воспринимали, но и передавали некоторые ведущие типы металлических изделий СТ и СК облика и технологии их производства своим соседям. В это время внутри некоторых общин южного и северного населения Западной Сибири происходит разделение труда с обособлением литейщиков.

Памятники *постсейминского времени* представлены поселениями лозьвинского, сынского, хэяхинского типов, атлымской, барсовской культурами, а также синкретичными гребенчато-ямочными комплексами нижнего течения Чилимки.

Традиционность хозяйства северного населения обусловила сохранение в Кондинской низменности, Нижнем и Сургутском Приобье стационарных поселений с большими укрепленными домами (Туманское, Денисово I, Олымья III–IV, Большая Умытья VIII, Большая Учинья XII, Ендырское VIII, Сырой Аган 1, Соровское XI и др.) и промысловых лагерей, функционировавших преимущественно в теплое время года (Чилимка I, III, VII, VIII, Талья I, Сатыга, Лов-Санг-Хум III, Низямы VIII, Барсова гора I/40 и др.). Дом площадью ~300 м<sup>2</sup>, раскопанный на поселении Барсова гора 107, мог служить для общественных целей, а найденная в нем четырехконечная булава из кварца свидетельствует о высоком социальном статусе его обитателей. В пределах стационарных поселков имелись и небольшие наземные хозяйственные постройки, где велась обработка металла и хранилась керамическая посуда, вышедшая из употребления (Ендырское VIII). В конце постсейминского периода в таежном Обь-Иртыше появляются первые городища, оставленные населением атлымской культуры (Чилимка 9, XIII, XXIII). Традиция их строительства сохранялась на протяжении 2,5 тысяч лет, до вхождения Сибири в состав Московского государства.

К постсейминскому времени относятся некоторые из раскопанных систем ловчих ям для добычи млекопитающих. Сейчас на севере Западной Сибири выявлены десятки таких объектов. Их сохранение до наших дней свидетельствует о традиционности данного вида промысла. Он запечатлен в наскальной живописи и в XVIII в. детально описан исследователями Урала.

Население севера Западной Сибири не представляло собой ожидаемого единства. Локальные особенности изучаемых сообществ отражают, в частности, типы керамики, из которых самые многочисленные лозьвинские и атлымские комплексы.

Памятники с *лозьвинской* керамикой локализованы в пределах Кондинской низменности, в меньшей степени – в Нижнем Приобье. В формовке использовалась выбивка, после которой толщина стенок составляла 3–4 мм при объеме 6 и более литров. Лозьвинские традиции формовки посуды

существенно отличались от лепки атлымской и барсовской (поздней гребенчато-ямочной) керамики, обнаруживающих между собой значительное сходство. В орнаментации лозьвинской посуды широко использовались керамические штампы-пинтадеры, представляющие собой зауральское явление. Они не известны на памятниках синхронных культур Сургутского Приобья и юга региона.

Пинтадеры оставляли чаще печатные гребенчатые оттиски, реже – прокатанные. Орнаментальные композиции разрежены желобками, единичными валиками, поясками и розетками из ямок. В монотонный линейный орнамент включены оригинальные меандры. Они отмечены М.П. Грязновым на посуде культур позднего бронзового века от Кавказа до енисейских степей и сохранились в орнаменте современных северных народов Западной Сибири под названиями «уши зайца» и «щучьи зубы».

В лозьвинских комплексах Кондинской низменности присутствуют грузила для сетей с 1–2 перехватами, схожие с изделиями андроновского и постандроновского времени. Другие грузила представляют призматические трубки с продольным отверстием. Керамическая пустотелая погремушка с поселения Олымья IV (р. Конда) имеет аналоги за пределами Западной Сибири – в полях погребальных урн на территории Австрии, Германии, Польши, Чехии и Северной Венгрии.

Отсутствие металла осложняет установление источников поступления сырья населению, оставившему лозьвинские памятники. Представление же о металлокомплексе дают находки с Сузгуна Па, содержащего синкретичную керамику сузгунско-лозьвинского облика. Здесь найдены модельки кельтов с лобным ушком и копья с прорезным пером. С комплексом лозьвинской керамики поселения Старый Катмыш (р. Конда) связана керамическая форма и сердечник для отливки втульчатого долота. Перечисленный сортамент полностью соответствует продукции постсейминского времени.

На лозьвинских поселениях Конды обнаружены редкие каменные вещи: двусторонне ретушированные наконечники стрел треугольной формы с прямым основанием, скребки и подпятники. Население Нижнего Приобья, напротив, активно обрабатывало камень, преимущественно кварц, сохраняя традицию контрударного расщепления (Низямы VIII). Эти материалы сопоставимы более всего с инвентарем позднеполымьятских поселений Геологическое III и VII. Сходство проявляется также в наборе орудий, среди которых преобладают скребки, скобели, долотовидные орудия и абразивы.

Присутствие в слоях лозьвинских поселений сузгунской и атлымской керамики, появление синкретичных комплексов (сынский и лучкинский типы) отражают контакты местного населения как с нижнеобскими популяциями, так и с южными, оставившими разнопорядковые андронидные культуры.

Сейчас можно лишь наметить локальные варианты лозьвинских памятников и их внутреннюю хронологию. При тенденции постепенного отхода от гребенчатой орнаментации к фигурно-штампованной дифференцируются ранние и поздние лозьвинские коллекции. Первые имеют

частичное сходство по форме сосудов и гребенчатой орнаментации с варпаульскими материалами (Низямы VIII), а вторые – с атлымскими I типа (Талья I). Отнесение лозьвинских памятников к последней трети II– началу I тыс. до н.э. хорошо согласуется с находками матрицы для долота из Старого Катыша и модельками кельтов и копья с Сузгуна IIа. Подобные предметы отливались в производственных центрах постсейминского времени, чему не противоречат калиброванные  $^{14}\text{C}$  даты с Лов-Санг-Хум III и городища Малоатлымское II.

С лозьвинскими памятниками Зауралья тесно связаны поселения *атлымской культуры* Нижнего Приобья. Со временем было предложено различать два ее варианта – нижнеобской и сургутский. Одной из ярких черт нижнеобских объектов является керамическая посуда двух типов, сменяющихся во времени (смешанные слои городища Малоатлымское II). Первый представлен плоскостенными слабопрофилированными горшками, украшенными различными крестовыми штампами и ямками. Монотонный в целом декор прерывают зигзаги, треугольники, ромбы. Второй тип включает горшки с шейками, выгнутыми наружу, имеющими четкий переход к тулову. Декор выполнен косыми крестовыми и различными гребенчатыми штампами, морфологически выраженные зоны подчеркнуты поясками из ямок. Эталонные коллекции поздней атлымской керамики происходят с поселений Перегребное IV и Ендырское VIII. На последнем, расположенном на пограничье рр. Оби и Конды, найдены сосуды переходного от первого типа ко второму облика, обнаруживающие соответствия в лозьвинской и гамаюнской керамике Зауралья. Синкретичный облик материалов и факты нахождения в атлымских слоях гамаюнской (Барсова гора I/10 и II/16в) и лучкинской (Ендырское VIII) посуды указывают на наличие разветвленных культурных контактов в таежном Обь-Иртыше в постсейминское время. Из уральского региона мог передаваться также металл группы ВК (волго-камской).

Иной вектор связей вырисовывается на севере Нижнего Приобья, по которому на рубеже II–I тыс. до н.э. в западном направлении могло проникать палеоазиатское население, оставившее ымыяхтахскую культуру (Л.П. Лашук, Л.П. Хлобыстин, В.С. Стоколос).

В определении возраста атлымской культуры важное значение приобретают остатки металлопроизводства, присутствие в слоях поздней лозьвинской, вагильской и лучкинской керамики и  $^{14}\text{C}$  даты. О сортаменте отливаемой продукции можно судить по находкам с городища Инберень VI красноозерской культуры, возникновение которой связывается с миграциями атлымского населения на юг Западной Сибири. Здесь изготавливались кельты, близкие раннеананьинским (вид I 2В, по А.Х. Халикову), наконечники стрел предскифского и раннескифского времени, оригинальные наконечники, представляющие собой прообразы наконечников кулайских типов раннего железного века, и др. В целом атлымские памятники следует синхронизировать с лозьвинскими и отнести к заключительной фазе позднего бронзового века, что не противоречит некоторым из имеющихся калиброванных  $^{14}\text{C}$  дат.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении подведены итоги исследования и показано развитие культуры населения севера Западной Сибири в ЭРМ. Отмечено значение археологических памятников Кондинской низменности и Нижнего Приобья, обнаруживающих, несмотря на локальные особенности, отчетливые параллели с древностями Урала, Притоболья, Прииртышья и европейского Северо-Востока. Это проявляется в распространении сходных категорий вещей из камня, металла, кости и керамической посуды.

ЭРМ изучаемой территории разделена на два этапа: переходное время от каменного к бронзовому веку и собственно бронзовый век.

На поселениях и могильниках первого этапа отсутствуют следы обработки металла и медные изделия, т.е. нет оснований для выделения периода энеолита. Вместе с тем северные памятники синхронны энеолитическим поселениям Нижнего Притоболья, Южного и Среднего Урала, Среднего Прикамья, обитатели которых уже владели навыками металлопроизводства и использовали медные вещи. По мнению многих специалистов, сходные декоративные особенности керамической посуды северных и южных районов свидетельствуют об одновременности сравниваемых материалов, что дает основания для отсчета ЭРМ в обширной зоне Сибири, подходящей к восточным склонам Урала.

Дробная градация памятников переходного времени намечена в пределах Кондинской низменности. Данный этап разделен на четыре стадии, отражающие смену четырех типов керамики и эпонимных типов поселений.

Первая стадия (рис. 1) связана с функционированием поселений, на которых найдена керамика ушьинского типа. Они хорошо укладываются в один хронологический пласт с памятниками ницинского типа р. Туры, а также с шапкульской и шувакишской культурами Притоболья и Среднего Урала, для которых характерны пластинчатая техника расщепления камня и использование наконечников стрел кельтеминарского типа. Шапкульские, шувакишские и ушьинские памятники отражают один из ранних этапов восточноуральской историко-культурной области, который можно определить, как шапкульский. <sup>14</sup>C даты урало-притобольских объектов позволяют отнести существование ушьинских памятников к последней трети IV– началу III тыс. до н.э.

Вторая стадия переходного времени (рис. 2) соответствует появлению в Кондинском бассейне поселений с керамикой еныйского типа. По декоративно-морфологическим показателям эта посуда занимает срединное положение между ушьинскими и атымьинскими древностями. Возможно, в один хронологический горизонт с кондинскими поселениями войдут объекты близкие «VIII пункту» на оз. Андреевском в Притоболье, часть липчинских памятников Урала и нижнеобские объекты (Каксинская Гора 3). В определении возраста еныйских памятников учтено наличие в их слоях шлифованных наконечников с шипами, отсутствие архаичных кельтеминарских наконечников и керамических грузил, которые появляются на следующей третьей стадии.

Исходя из стратиграфии и калиброванных  $^{14}\text{C}$  дат, эти древности можно отнести к первой трети III тыс. до н.э.

К третьей стадии (рис. 3) относятся памятники атымьинского типа, представляющие собой северо-восточную периферию восточноуральской историко-культурной области на липчинском этапе развития. Ее ядро образуют липчинские, ранние аятские и кысыкульско-суртандинские поселения Среднего и Южного Урала, а также объекты с крупнонакольчатой керамикой Притоболья. Юго-восточный ареал области занимают ботайские поселения первой хронологической группы (Приишимье).

Материалы Верхней Конды отражают контакты и проникновения в южную часть Северо-Сосьвинской возвышенности отдельных нижнеобских групп, оставивших ранние (?) комплексы пернашорского типа. С другой стороны, археологические памятники Нижней Оби и европейского Северо-Востока свидетельствуют о доминировании широтных связей, поддерживавшихся восточноевропейским и сибирским населением через Приполярный и Полярный Урал. Специфический облик нижнеобской керамики и ее локальные отличия пока не дают оснований для однозначного отнесения нижнеобских поселений к восточноуральской историко-культурной области на ее липчинском этапе. Не исключено, что к северу от последней, в районах циркумполярной зоны, существовала еще одна историко-культурная область – трансуральская, включающая пернашорские и чужьяельские комплексы. Стратиграфия атымьинских древностей, облик керамики, сопутствующего вещевого материала и калиброванные  $^{14}\text{C}$  даты позволяют ограничить третью стадию второй третью III тыс. до н.э.

Четвертая стадия (рис. 4) завершает первый этап ЭРМ в Кондинском бассейне. Это время появления поселений с керамикой волвончинского типа, имеющей самые полные соответствия в материалах андреевской культуры Притоболья, носители которой были знакомы с литейным делом. Эти древности демонстрируют синхронные изменения в культуре кондинского и притобольского населения, что отражено в облике посуды, распространении сходных типов кремневых наконечников стрел и рыболовных грузил. К числу синхронных памятников и объектов на сопредельных территориях можно отнести поздние аятские комплексы Среднего Урала, ботайские объекты второй хронологической группы и, вероятно, поздние пернашорские поселения Амня IА и Ясунское.

Облик волвончинской посуды и сопутствующих ей вещей, калиброванные  $^{14}\text{C}$  даты, планиграфия атымьинских и волвончинских объектов, а также перекрывание волвончинских жилищ слоями начала бронзового века, позволяют ограничить эту стадию последней третью III тыс. до н.э.

На втором этапе ЭРМ, или в бронзовом веке, население севера Западной Сибири включилось в сложную систему широтно-меридиональных связей, по которым распространялись не только медь и ее сплавы, но и технологии обработки металла. При отсутствии рудной базы и периферийном расположении литейщики севера Западной Сибири следовали трендам в



обработке металла, которые определялись производственными центрами ЦМП и ЕАМП. Следуя подходу Е.Н. Черных, бронзовый век изучаемой территории разделен на три периода: досейминский, сейминский и постсейминский.

В рамках досейминского периода намечены две фазы, соответствующие существованию ранних и поздних памятников полымьятского типа, на которых найдены первые бронзовые вещи. Ранние комплексы демонстрируют архаичные технологии литья заготовок орудий в открытые формы, поздние – производство втульчатых предметов, которые хронологически предшествуют изделиям СТ серий. Полымьятские памятники связаны генетически с волвончинскими по топографии, характеру поселений, по особенностям керамической посуды и сопутствующих ей находок.

В первой фазе досейминского периода (рис. 5) отмечено использование керамических фурм и открытых литейных форм для производства полуфабрикатов плоских тесел укороченных пропорций с расширяющимися гранями и других орудий. Данная технология соответствует приемам, распространенным у литейщиков поздней фазы ЦМП, сохраняясь в начале позднего бронзового века (ПБВ-1). Состав используемого металла (металлургически «чистая» медь и подвеска из биллона) указывает на уральские связи. Наиболее вероятные поставщики металла – население гаринско-борской культуры Прикамья, ранние абашевцы или другие популяции, имевшие доступ к медным и медно-серебряным месторождениям Урала и Прикамья. Металл поступал на север Западной Сибири опосредованно – либо через древних уральцев, либо через южных (юго-западных) соседей.

Ранняя полымьятская керамика с текстильными отпечатками позволяет синхронизировать западносибирские древности в рамках одиновско-крохалевского хронологического горизонта, связываемого с началом раннего бронзового века по региональной периодизации. С другой стороны, придерживаясь евразийской периодизации, правильнее говорить о поздней фазе среднего бронзового века, времени существования памятников ЦМП. Если принять во внимание верхнюю дату волвончинских комплексов четвертой стадии и факты их перекрывания ранними полымьятскими отложениями, то появление последних следует относить ближе к концу последней трети III тыс. до н.э. Ранние полымьятские комплексы синхронны архаичным сартыньинским памятникам Нижней Оби и Северной Сосьвы, объектам йоркутинского типа Ямала и, вероятно, поселению Амня II. В Сургутском Приобье им должны быть одновременны комплексы типа Барсовой горы I/3, а в Прикамье какая-то часть гаринско-борских объектов.

Во второй фазе досейминского периода (рис. 6) наблюдается внедрение технологии втульчатого литья и начало производства кельтов, копий и других изделий. Литье втульчатых предметов велось не только на поздних полымьятских поселениях Нижней Конды (Волвонча I, Пашкин Бор I), но и в Васюганье (поселение степановской культуры Тух-Сигат IV) и Верхнем Приобье (поселение самусьской культуры Крохалевка-1). Эту продукцию отличает от серийных СТ и СК вещей морфологическое своеобразие. Она

отражает приобщение местных литейщиков к технологиям позднего бронзового века, распространявшимся среди групп родственного южно-таежного населения Западной Сибири. Молниеносный переход к втульчатому литью был предопределен не мигрирующими металлургами и литейщиками, а знакомством местного населения с обработкой металла в предшествующее время. Заимствование новых технологических схем позволяло получать совершенные втульчатые предметы, экономить ценное сырье и выпускать морфологически разнообразную продукцию. Вместе с тем в водоразделе Конды и Северной Сосьвы, в Нижнем Приобье и прилегающих районах сохранялось архаичное литье в открытые формы (Геологическое III, Ендырское VIII, Щетнмато-лор).

На север Западной Сибири попадал металл различного состава и происхождения. Это биллоны, производившиеся, предположительно, синташтинскими металлургами (Пяку-то I), Cu+Sn+As сплавы (Геологическое III), соединения группы ВК (Сартынья I), источники которых до конца не установлены. На активные межобщинные обмены и синхронность поздних полымьятских памятников с синташтинскими и, видимо, петровскими указывают бронзовый асимметричный нож и бытовая посуда поселения Геологическое III, лепившаяся с использованием опрокинутых горшков-шаблонов. Есть все основания для синхронизации поздних полымьятских комплексов с арктическими поселениями типа вары-хадыта (Вары-Хадыта II, Горный Сомотнёл, Салехардская стоянка), поздними памятниками сартыньинской культуры Нижней Оби, объектом Пякупур 3, кульёганскими поселениями (Щетнмато-лор, Быстрый Кульёган 38, Балинское I, Савкинская Речка и др.), ташковскими, степановскими, ранними кротовскими, самусьскими и елунинскими древностями. Учитывая более высокую стратиграфическую позицию поздних полымьятских слоев по отношению к ранним и принимая во внимание калиброванные <sup>14</sup>C даты с поселения Геологического III и кульёганских памятников, время существования Волвончи I, Пашкиного Бора I и др. памятников следует ограничить концом III – началом II тыс. до н.э. Это соответствует в целом времени, отводимому исследователями синташтинским и сменяющим их петровским памятникам – XXII (XXI) – XVIII (XVII) вв. до н.э. (ПБВ-1).

В сейминский период на севере Западной Сибири появляются объекты с керамикой варпаульского типа, в одних комплексах с которой встречены орудия СТ и СК типов, а также характерные изделия из камня и кости (рис. 7). Они актуализируют понятие «самусьско-сейминская эпоха»<sup>1</sup>, предложенное М.Ф. Косаревым. Северные материалы не дают оснований для жесткого разграничения во времени СТ и СК металла, который может отражать не столько диахронность, сколько профессиональный «почерк» литейщиков, продукция которых существенно варьировала в рамках сложившихся стереотипов. Примечательно сохранение в Кондинском бассейне архаичных

---

<sup>1</sup> В данном случае определение «самусьский» должно ассоциироваться не с самусьской археологической культурой, а с металлом СК облика.

приемов производства – литья орудий с последующей кузнечной обработкой рабочей части при средней степени обжата, характерного для ямного населения Приуралья. Возросшая значимость металлопроизводства повлекла сходные изменения в социальной структуре южного и северного населения Сибири и Урала. В общинах, ориентированных на производящие и присваивающие формы хозяйства, выделились мастера-литейщики, что нашло отражение в погребальной и культовой практике (Ростовка, Сопка-2, Сатыга XVI, Сайгатино VI, Шайтанское озеро II).

Хронологические рамки сейминского периода на изучаемой территории совпадают со временем бытования памятников, относимых М.Ф. Косаревым к черноозерскому варианту АКЮ. Об этом свидетельствуют сходство в форме и орнаменте варпаульской и черноозерской керамики, нож срубно-андроновского типа с могильника Сатыга XVI, двухстворчатая литейная форма для ажурной подвески в виде фигурки «человека в круге» с Сайгатино VI, имеющая прямые соответствия в могильниках Черноозерье и Боровлянка XVII, и, вероятно, керамическое грузило с перехватом с поселения Ленино I. Специалисты отмечают хронологический приоритет синташтинских и петровских памятников по отношению к срубным и андроновским, помещаемым в диапазоне между XIX (XVII) и XIV (XIII) вв. до н.э. Этот период связывается обычно с фазой стабилизации ЕАМП, приходящейся на ПБВ-2.

Постсейминский период (рис. 8) совпадает с появлением памятников, в культурных слоях которых содержится керамика с фигурно-штампованными и прокатанными узорами. Речь идет о лозьвинских памятниках рр. Тавды, Конды, Нижней Оби, об атлымских поселениях Нижнего и Среднего Приобья, о «синкретичных» комплексах типа Хэ-яха, Лов-Санг-Хум III, объектах лучкинской и барсовской культур. В это время на изучаемой территории наблюдается оформление новой традиции – строительство городищ. Она просуществовала 2,5 тысячи лет, исчезнув лишь после вхождения региона в состав Русского государства. Перечисленные древности следует отнести к одному культурно-хронологическому горизонту, хотя необходимо помнить, что внутренняя градация лозьвинских и атлымских памятников нуждается в дальнейшей проработке. К югу от мира таежных рыболовов и охотников, в лесостепной зоне региона, локализуются бархатовская и сузгунская культуры, синхронные общности культур валиковой керамики. Южные и часть северных групп населения Западной Сибири переходят к производству и использованию втульчатых долот, кельтов с ушком на широкой плоскости и наконечников копий с прорезными перьями. Если опираться на евразийскую периодизацию, то речь должна идти о конце XV или XIV (XIII) в. до н.э. – начале I тыс. до н.э. (ПБВ-3).

Изученные материалы ЭРМ свидетельствуют, что отсутствие рудной базы лишь на время сдержало наступление бронзового века на севере Западной Сибири. Уже в досейминское время происходит сложение металлообрабатывающего очага в Кондинской низменности. Этому способствовали близость рудного Урала и Прикамья и связи древних уральцев

и сибиряков, которые сложились на первом этапе ЭРМ с оформлением восточно-уральской историко-культурной области. Контакты не прерывались и на протяжении всего бронзового века. Межобщинные связи северных популяций объясняют появление в таежном Обь-Иртыше металлических вещей абашевского, синташтинско-петровского облика, уральской керамики с примесью талька и предметов из этого минерала, применение единых технологий лепки керамики, синхронное распространение на севере и юге сходных типов металлических, каменных и костяных изделий. Недооценка коммуникативных возможностей и традиционных связей лесных сообществ Северной Евразии ведет к преувеличению значимости миграций СТ популяций (разумеется, если таковые существовали!) в распространении металла и навыков его обработки.

**Список основных работ, опубликованных по теме диссертации**  
(общий авторский вклад – 89,75 п.л.)

*Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки*

1. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Поселенческо-погребальный комплекс конца XV–XVI вв. из Нижнего Приобья // Российская археология. – 2002. – № 2. – С. 67–80 (1 п.л., авт. вкл. – 0,5 п.л.).
2. **Кокшаров С.Ф.**, Погодин А.А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 100–113 (1,5 п.л., авт. вкл. – 0,75 п.л.).
3. **Кокшаров С.Ф.** Памятник атлымской культуры на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3. – С. 53–62. (авт. вкл. – 1,5 п.л.).
4. **Кокшаров С.Ф.** Загадки югорских кузнецов // Родина. – 2007. – № 9. – С. 97–99 (авт. вкл. – 0,7 п.л.).
5. **Кокшаров С.Ф.** Об истоках антропоморфных образов на керамике самусьской культуры // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 1 (26). – С. 15–20 (авт. вкл. – 0,7 п.л.).
6. **Кокшаров С.Ф.** Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 1 (30). – С. 122–130 (авт. вкл. – 0,7 п.л.).
7. **Кокшаров С.Ф.** Использование шаблона в керамическом производстве (по материалам бронзового века Урала и Севера Сибири) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. – С. 175–182 (авт. вкл. – 0,7 п.л.).
8. **Кокшаров С.Ф.** Сюжетный рисунок на керамике в творчестве древнего населения Средней Оби // Известия Уральского государственного

- университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 3 (93). – С. 58–65 (авт. вкл. – 0,7 п.л.).
9. **Кокшаров С.Ф.** Подвеска-лунница с верховьев Конды (к проблеме трансуральских связей начала бронзового века) // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 3 (36). – С. 131–137 (авт. вкл. – 1 п.л.).
  10. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Легенды и были городка Эмдер. К 20-летию археологического открытия памятника // Вестник Уральского отделения Российской академии наук: Наука. Общество. Человек. – 2012. – № 4 (42). – С. 108–115. (1,5 п.л., авт. вкл. – 1 п.л.).
  11. **Кокшаров С.Ф.** Первый металл Конды // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 4 (19). – С. 27–42 (авт. вкл. – 1,6 п.л.).
  12. **Кокшаров С.Ф.** Факты, комментарии, интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 2 (21). – С. 133–149 (авт. вкл. – 2,2 п.л.). Рец. на кн.: Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. – 192 с.
  13. **Кокшаров С.Ф.** Литейная форма ножа с могильника Сатыга XVI // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 235–239 (авт. вкл. – 0,7 п.л.).
  14. **Кокшаров С.Ф.** Сопла бронзового века с севера Западной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 14, вып. 3: Археология и этнография. – С. 78–87 (авт. вкл. – 0,7 п.л.).
  15. **S.F. Koksharov.** Bronze Age Animal Figurines from the Taiga Zone of the Ob Region // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. – 2014. – 42 (2). – P. 77–81 (0,8 п.л.; авт. вкл. – 0,8 п.л.).
  16. **Кокшаров С.Ф.** Литейная форма долота из Старого Катыша // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 2 (36). – С. 41–45 (0,5 п.л.; авт. вкл. – 0,5 п.л.).

### *Монографии*

17. **Кокшаров С.Ф.** Памятники энеолита севера Западной Сибири. – Екатеринбург: Волот, 2009. – 272 с. (18,5 п.л., авт. вкл. – 18,5 п.л.).
18. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.**, Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с. (20 п.л., авт. вкл. – 1,5 п.л.).
19. Нягань: город на историческом фоне Нижнего Приобья / Н.Н. Баранов, Д.В. Бугров, С. В. Горшков, А.П. Зыков, **С.Ф. Кокшаров**, Е.П. Мартынова, Д.А. Редин, А. Т. Шашков. – Екатеринбург: Волот, 1995. – 154 с. (9,5 п.л., авт. вкл. – 1 п.л.).
20. Югорск: от легенды до точки на карте / Н.Н. Баранов, С.В. Горшков, А.П. Зыков, В. В. Каплюков, **С.Ф. Кокшаров**, Н.А. Миненко, В.М. Морозов, А.Т. Шашков. – Екатеринбург: Волот, 1997. – 160 с. (10 п.л., авт. вкл. – 2 п.л.).
21. **Кокшаров С.Ф.** На заре истории // Очерки истории Югры. – Екатеринбург: Волот, 2000. – С. 11–28 (42,8 п.л., авт. вкл. – 1 п.л.).
22. **Кокшаров С.Ф.** Таежная цивилизация // Очерки истории Югры. – Екатеринбург: Волот, 2000. – С. 29–52 (42,8 п.л., авт. вкл. – 1 п.л.).
23. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер. – Екатеринбург: Волот, 2001. – 320 с. (26 п.л., авт. вкл. – 13 п.л.).
24. **Кокшаров С.Ф.** Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры: пленарный доклад II Сев. археол. конгресса, Ханты-Мансийск, 24–30 сентября 2006 г. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 41–67 (10 п.л., авт. вкл. – 2,6 п.л.).
25. **Кокшаров С.Ф.** Археологическое изучение Сосьвинско-Ляпинского Приобья в XVIII – начале XXI в. // Березово (Очерки истории с древности до наших дней). – Екатеринбург: ИД СОКРАТ, 2008. – С. 19–22 (49,6 п.л., авт. вкл. – 0,5 п.л.).
26. **Кокшаров С.Ф.** Березовский край в эпоху камня и раннего металла // Березово (Очерки истории с древности до наших дней). – Екатеринбург: ИД СОКРАТ, 2008. – С. 22–30 (49,6 п.л., авт. вкл. – 0,5 п.л.).

### *Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов*

27. Чемякин Ю.П., **Кокшаров С.Ф.** Поселение начала I тысячелетия до н.э. на Барсовой Горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. – С. 115–130 (0,8 п.л., авт. вкл. – 0,4 п.л.).
28. Стефанова Н.К., **Кокшаров С.Ф.** Поселение бронзового века на р. Конде // Советская археология. – 1988. – № 3. – С. 161–174 (1,5 п.л., авт. вкл. – 0,75 п.л.).
29. Гаджиева Е.А., **Кокшаров С.Ф.** О раскопках поселения Геологическое VII // Археологические открытия на Урале и в Поволжье. –

- Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра АН СССР, 1989. – С. 143–145 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
30. Стефанов В.И., **Кокшаров С.Ф.** Северное Зауралье накануне бронзового века // Советская археология. – 1990. – № 3. – С. 44–65 (1,5 п.л., авт. вкл. – 0,75 п.л.).
  31. **Кокшаров С.Ф.** К вопросу о содержании и датировке одной группы уральских писаниц // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР: тез. докл. к конф. – М.: Наука, 1990. – С. 79–83 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
  32. **Кокшаров С.Ф.** Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи энеолита // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала: препр. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1990. – С. 4–28 (авт. вкл. – 1 п.л.).
  33. **Кокшаров С.Ф.** Изучение ловчих ям таежных охотников на северо-западе Сибири // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: тез. докл. к конф. – Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра АН СССР, 1991. – С. 53–54 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
  34. Корякова Л.Н., **Кокшаров С.Ф.** Археологические аспекты древней истории Западной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: тез. докл. к всесоюз. науч. конф., Барнаул, 3–5 апреля 1991 г. – Барнаул: [Б. и.], 1991. – С. 36–39 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
  35. **Кокшаров С.Ф.** Памятники позднего бронзового века р. Конды // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: тез. докл. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. К.В. Сальникова, Уфа, 26–27 февраля 1991 г. – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1991. – С. 66–69 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
  36. Чемякин Ю.П., **Кокшаров С.Ф.** Новое поселение барсовской культуры // Жилища народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – С. 106–114 (1 п.л., авт. вкл. – 0,5 п.л.).
  37. **Кокшаров С.Ф.**, Чемякин Ю.П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1991. – С. 43–52 (1 п.л., авт. вкл. – 0,5 п.л.).
  38. **Кокшаров С.Ф.** Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – Вып. 20. – С. 92–101 (авт. вкл. – 0,6 п.л.).
  39. **Кокшаров С.Ф.** Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите–бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 3–17 (авт. вкл. – 1 п.л.).
  40. **Кокшаров С.Ф.**, Ермакова Н.Н. Меандровые узоры на керамике лозьвинского и атлымского типов // Орнамент народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. – С. 12–21 (0,8 п.л., авт. вкл. – 0,4 п.л.).
  41. **Кокшаров С.Ф.** Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: УрО РАН, 1993. – С. 162–169 (авт. вкл. – 0,5 п.л.).

42. **Кокшаров С.Ф.**, Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1993. – С. 54–67 (1 п.л., авт. вкл. – 0,5 п.л.).
43. **Кокшаров С.Ф.** Восточно-уральская историко-культурная общность эпохи энеолита // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: тез. докл. XII Уральского археологического совещания, Екатеринбург, 19–22 апреля 1993 г. – Екатеринбург: Полиграфист, 1993. – С. 88–90 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
44. **Кокшаров С.Ф.** Антропоморфные изображения на керамике эпохи энеолита Северо-Запада Сибири // Историческое познание: традиции и новации: тез. междунар. теорет. конф., Ижевск, 26–28 октября 1993 г. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1993. – Ч. I. – С. 88–89 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
45. Борзунов В.А., **Кокшаров С.Ф.**, Погодин А.А. Археологические исследования на рр. Ендырь и Северная Сосьва // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – С. 52–53 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
46. **Кокшаров С.Ф.**, Малоземова О.В., Погодин А.А. Археологические исследования на территории Ханты-Мансийского автономного округа // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Йошкар-Ола: Изд-во Мар. гос. ун-та, 1994. – С. 59–61 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
47. **Koksharov S.** Die Ob-Ugrische Zeichnungen in den Bäumen: neue Quellen und neue Interpretationen // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum*. – Jyväskylä, 1995. – S. 179–180 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
48. Борзунов В.А., **Кокшаров С.Ф.** Легендарный Эмдер – вымысел или реальность? // Сургут, Сибирь, Россия: тез. докл. и сообщ. к междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута, Сургут, 22–25 марта 1994 г. – Екатеринбург: [Б.и.], 1995. – С. 25–28 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
49. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Легендарный Эмдер (опыт сопоставления археологических, фольклорных, письменных источников) // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: тез. докл. X археол.-этногр. совещания, посвящ. памяти В.Н. Чернецова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – С. 75–78 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
50. **Кокшаров С.Ф.** Раскопки на городище Ендырском I // Археологические открытия 1994 г. – М.: Наука, 1995. – С. 273–274 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
51. **Koksharov S.** Eneolithic anthropomorphic pictures from the Konda and Malaja Sosva // *Congressus primus Historiae Fenno-Ugricae*. I:1. – Oulu, 1996. – P. 507–512 (0,8 п.л.; авт. вкл. – 0,8 п.л.).
52. Zykov A., **Koksharov S.** The study of the epic Emdar // *European Association of Archaeologists – 2nd Annual Business Meeting*. – Riga, 1996. – P. 67 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
53. **Кокшаров С.Ф.** Раскопки на городище Ендырское 1 // Археологические открытия 1995 г. – М.: Наука, 1996. – С. 333–335 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).



54. **Кокшаров С.Ф.** Тоболо-Иртышское междуречье в позднем бронзовом веке // Уральский исторический вестник (Урал в системе культурных и хозяйственных связей в древности и средневековье). – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – № 4. – С. 143–146 (авт. вкл. – 0,3 п.л.). Рец. на кн.: Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: Изд-во ПАИМС, 1995. – 208 с.
55. **Кокшаров С.Ф.**, Морозов В.М. Атымьинского типа археологические памятники // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН: Изд-во «Екатеринбург», 1998. – С. 61 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
56. **Кокшаров С.Ф.**, Морозов В.М. Геологическое // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН: Изд-во «Екатеринбург», 1998. – С. 143–144 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
57. **Кокшаров С.Ф.** Лозьвинского типа памятники // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН: Изд-во «Екатеринбург», 1998. – С. 312–313 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
58. Ковалева В.Т., **Кокшаров С.Ф.**, Чаиркина Н.М., Шорин А.Ф. Энеолит Урала // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: УрО РАН: Изд-во «Екатеринбург», 1998. – С. 604–605 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
59. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Итоги изучения былинного городка Эмдер // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунар. симпозиума. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 215–221 (0,7 п.л., авт. вкл. – 0,3 п.л.).
60. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Фортификации Эмдера // Урал в прошлом и настоящем: материалы конф., посвящ. 10-летию Института истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН: БКИ, 1998. – С. 57–60 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
61. **Кокшаров С.Ф.** Металлообработка на реке Конде в бронзовом веке // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: новейшие открытия уральских археологов: материалы науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. – Ч. 2. – С. 64–65 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
62. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Поселенческо-погребальный комплекс позднего средневековья в Нижнем Приобье // XIV Уральское археологическое совещание: тез. докл., Челябинск, 21–24 апреля 1999 г. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 161–162 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
63. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Святилище позднего средневековья в таежном Зауралье // Этнокультурная история Урала. XVI–XX вв.: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 29 ноября – 2 декабря 1999 г. – Екатеринбург: БКИ, 1999. – С. 132–133 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
64. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Угорские городки XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы изучения // Обские угры. Культурное наследие народов

- Западной Сибири: тез. докл. II Сибирского симпозиума, Тобольск, 13–15 декабря 1999 г. – Тобольск: [Б.и.], 1999. – С. 227–228 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
65. **Кокшаров С.Ф.** Громовержцы обских угров // Историческая наука на рубеже веков: ст. и материалы конф., посвящ. 60-летию ист. фак. Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького. – Екатеринбург: Волот, 2000. – С. 40–56 (авт. вкл. – 2,5 п.л.).
66. **Кокшаров С.Ф.** Исследования могильника Ендырский I в Нижнем Приобье // Археологические открытия 1998 г. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 302–303 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
67. **Кокшаров С.Ф.**, Погодин А.А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // Российская археология. – 2000. – № 4. – С. 109–127 (1,5 п.л., авт. вкл. – 0,7 п.л.).
68. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Атлымские городища // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – Вып. I. – С. 104–123 (0,8 п.л., авт. вкл. – 0,4 п.л.).
69. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Северная Троя: от легенды до точки на карте // Родина. – 2000. – № 5. – С. 30–35 (0,8 п.л., авт. вкл. – 0,4 п.л.).
70. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Феномен таежной цивилизации // Родина. – 2000. – № 5. – С. 39–44 (0,8 п.л., авт. вкл. – 0,4 п.л.).
71. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Угорские княжества таежного Приобья // Северный регион: экономика и социокультурная динамика: сб. тез. к всерос. науч. конф., Ханты-Мансийск – Сургут, ноябрь 2000 г. – Сургут: Изд-во Сур. гос. ун-та, 2000. – С. 9–11 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
72. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Эсский остров: в поисках реликвий вогульских князей // Родина. – 2002. – № 6. – С. 87–90 (0,7 п.л., авт. вкл. – 0,3 п.л.).
73. **Кокшаров С.Ф.** Досейминская металлообработка на Северо-Западе Сибири // Северный археологический конгресс: тез. докл., Ханты-Мансийск, 9–14 сентября 2002 г. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2002. – С. 58–60 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
74. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Городок Эмдер и некоторые проблемы позднесредневековой археологии северо-западной Сибири // Северный археологический конгресс: тез. докл., Ханты-Мансийск, 9–14 сентября 2002 г. – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2002. – С. 316–317 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
75. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Городок Эмдер: от легенды до точки на карте // Родина. – 2002. – Спец. вып. – С. 2–6 (0,8 п.л., авт. вкл. – 0,4 п.л.).
76. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Эсский остров: из предыстории русского «взятия Сибири» // Родина. – 2002. – Спец. вып. – С. 36–39 (0,7 п.л., авт. вкл. – 0,3 п.л.).
77. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Итоги изучения Эмдера в 2001 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-

- Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 110–136 (1 п.л., авт. вкл. – 0,5 п.л.).
78. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Раскопки поселения Геологическое XVI в Советском районе Ханты-Мансийского АО // Археологические открытия 2002 г. – М.: Наука, 2003. – С. 374–375 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
79. **Кокшаров С.Ф.** Археологические раскопки в Советском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 230–231 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
80. **Кокшаров С.Ф.** Предварительные итоги изучения пос. Геологическое-16 на Верхней Конде // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: тез. окр. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Сургутского краеведческого музея, Сургут, 24–27 ноября 2003 г. – Сургут: Дефис. – С. 19–21 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
81. **Кокшаров С.Ф.** Культ *Щахэл Торум`а* в Нижнем Приобье // Угры. Культурное наследие народов Западной Сибири: материалы VI Сибирского симпозиума, Тобольск, 9–11 декабря 2003 г. – Тобольск: [Б.и.], 2003. – С. 347–349 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
82. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** В гостях у Хонт Торума // Родина. – 2004. – № 6. – С. 36–39 (0,7 п.л., авт. вкл. – 0,4 п.л.).
83. **Кокшаров С.Ф.** Антропо- и зооморфные изображения бронзового века с Барсовой горы // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 50–57 (авт. вкл. – 0,7 п.л.).
84. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Изучение комплекса памятников Большая Умытья 28 в Советском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 327–331 (0,8 п.л., авт. вкл. – 0,4 п.л.).
85. **Кокшаров С.Ф.** Изучение пос. Геологическое XVI на Верхней Конде // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 324–326 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
86. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Оборонительные сооружения городка Эмдер // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. – Сургут: Диорит, 2004. – С. 242–258 (1,5 п.л., авт. вкл. – 0,7 п.л.).
87. **Кокшаров С.Ф.** Раскопки в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа // Археологические открытия 2004 г. – М.: Наука, 2005. – С. 454–456 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
88. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Рекогносцировочные раскопки городища Большая Умытья 36 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 137–155 (0,7 п.л., авт. вкл. – 0,3 п.л.).
89. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.**, Лабаури А.Н. Исследования могильника Большая Умытья 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале

- прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 211–229 (0,8 п.л., авт. вкл. – 0,2 п.л.).
90. Зыков А.П., **Кокшаров С.Ф.** Исследования поселения Ендырское VIII // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 114–134 (0,5 п.л., авт. вкл. – 0,3 п.л.).
91. **Кокшаров С.Ф.** К 70-летию выхода книг С.В. Бахрушина и В.Н. Чернецова // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. «Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие»: материалы междунар. симпоз., ХМАО, 7–15 сентября 2005 г. – Екатеринбург: Волот, 2006. – Ч. 2. – С. 129–147 (авт. вкл. – 1,3 п.л.).
92. **Кокшаров С.Ф.** О периодизации бронзового века северо-западной Сибири // II Северный археологический конгресс: тез. докл., Ханты-Мансийск, 24–30 сентября 2006 г. – Екатеринбург: Чароид, 2006. – С. 85–86 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
93. **Кокшаров С.Ф.** Особенности энеолита Северо-Западной Сибири // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов: материалы регион. науч.-практ. конф., Советский, 3–6 октября 2005 г. – Екатеринбург: Волот, 2006. – С. 13–24 (авт. вкл. – 1,2 п.л.).
94. **Кокшаров С.Ф.** Раскопки городища Большая Умытъя 36 (Шаман-гора) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – Вып. 5. – С. 108–110 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
95. **Кокшаров С.Ф.** Средневековые топоры городища Большая Умытъя 36 // Роль полевых исследований в сохранении исторического и культурного наследия Югры: II Югорская полевая музейная биеннале: сб. материалов и сообщ. науч.-практ. конф. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 88–97 (авт. вкл. – 0,7 п.л.).
96. **Кокшаров С.Ф.** Изучение ломбовожских городищ в 2003 г. // Меншиковские чтения–2007: материалы чтений к 415-летию Березова, Березово, 15–16 декабря 2007 г. – Березово: Березовская тип., 2008. – С. 95–101 (авт. вкл. – 0,4 п.л.).
97. **Кокшаров С.Ф.** Археологические памятники Кондинского княжества // Россия между прошлым и будущим: Исторический опыт национального развития: материалы всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, 4–5 марта 2008 г. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. – С. 97–100 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
98. **Кокшаров С.Ф.** Громовник *Щахэл Торум* в системе миропонимания хантов и манси Нижней Оби // Религия в жизни человека и общества: тез. докл. и сообщ. X Междунар. Крымской конф. по религиоведению. – Севастополь: Интерсфера, 2008. – С. 41–42 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
99. **Кокшаров С.Ф.** Некоторые проблемы изучения липчинской культуры // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию

- исторического факультета Урал. гос. ун-та, Екатеринбург, 13–14 ноября 2008 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2008. – С. 141–153 (авт. вкл. – 1,2 п.л.).
100. **Кокшаров С.Ф.** Раскопки поселения-могильника Большая Умытья 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Тюмень; Ханты-Мансийск: Изд-во «РИФ» КоЛеСо», 2008. – Вып. 6. – С. 124–127 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
  101. **Кокшаров С.Ф.** Из ранней истории Ломбовожа // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 2 (23). – С. 67–74 (авт. вкл. – 1 п.л.).
  102. **Кокшаров С.Ф.** Энеолитические комплексы поселения Геологическое III // Человек и Север: Антропология, археология, экология: материалы всерос. конф., Тюмень, 24–26 марта 2009 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. – Вып. 1. – С. 78–81 (авт. вкл. – 0,3 п.л.).
  103. **Кокшаров С.Ф.** Раскопки городища Большая Умытья 36 // Археологические открытия 2006 года. – М.: Наука, 2009. – С. 50 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
  104. **Кокшаров С.Ф.** Разведки в Пуровском районе Ямало-Ненецкого АО // Археологические открытия 2006 года. – М.: Наука, 2009. – С. 51 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
  105. **Кокшаров С.Ф.** Кондинское княжество и его правители // Историко-культурное и природное наследие как фактор развития территории: материалы всерос. науч.-практ. конф., Советский, 5–9 ноября 2008 г. – Советский, 2009. – С. 8–13 (авт. вкл. – 0,4 п.л.).
  106. **Кокшаров С.Ф.** Раскопки Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО–Югры в 2008 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 217–219 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
  107. **Кокшаров С.Ф.** Изучение поселения-могильника Большая Умытья 28 // Археологические открытия 2007 года. – М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2010. – С. 471–472 (0,1 п.л.; авт. вкл. 0,1 п.л.).
  108. **Кокшаров С.Ф.** Антропоморфное изображение периода энеолита с Малой Сосьвы // Культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – С. 71–72 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).
  109. **Кокшаров С.Ф.**, Зимин А.Н. Остатки средневековой кузницы на р. Ендырь // III Северный археологический конгресс: тез. докл., Ханты-Мансийск, 8–13 ноября 2010 г. – Екатеринбург: ИД ИздатНаукаСервис, 2010. – С. 191–192 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
  110. **Кокшаров С.Ф.** Археологические памятники первой половины II тысячелетия в бассейне р. Конды // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань). Серия «Археология

- евразийских степей». Вып. 13. – Казань: ООО «Фолиант»; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 73–80 (0,7 п.л.; авт. вкл. – 0,7 п.л.).
111. **Кокшаров С.Ф.** Применение шаблона в керамическом производстве бронзового века // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 179–180 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).
112. **Кокшаров С.Ф.**, Зимин А.Н., Казанцева А.И., Кочнев А.В., Мотус А.И. Изучение Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО–Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 264–267 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
113. **Кокшаров С.Ф.**, Зырянова С.Ю. Неолитические комплексы поселения Геологическое XVI // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 185–198 (0,8 п.л., авт. вкл. 0,4 п.л.).
114. **Кокшаров С.Ф.**, Казанцева А.И. Из истории изучения средневековых городищ таежного Обь-Иртышья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. II. – СПб-М-Великий Новгород: ОАО «Новгородский технопарк», 2011. – С. 51–52 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
115. **Кокшаров С.Ф.** Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые Берсовские чтения: сборник статей всерос. археол. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. – С. 75–90 (авт. вкл. – 1,4 п.л.).
116. **Кокшаров С.Ф.** Рекогносцировочные раскопки поселения Ендырское VII // Археологические открытия 2008 г. – М.: Изд-во ИА РАН, 2011. – С. 444 (0,1 п.л.; авт. вкл. 0,1 п.л.).
117. **Кокшаров С.Ф.** «Текстильная» керамика Конды // Человек и Север: Антропология, археология, экология: материалы всерос. конф., г. Тюмень, 26–30 марта 2012 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. – Вып. 2. – С. 142–145 (авт. вкл. – 0,4 п.л.).
118. **Кокшаров С.Ф.** Материалы по изобразительной деятельности древнего населения севера Западной Сибири // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого: к 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Фёдоровича Косарева. – Томск: Аргаф-Пресс, 2012. – С. 138–140 (авт. вкл. – 0,6 п.л.).
119. **Кокшаров С.Ф.**, Зимин А.Н., Казанцева А.И., Мотус А.И. Археологические раскопки на поселении Ендырское VIII в Октябрьском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 340–342 (0,2 п.л., авт. вкл. – 0,1 п.л.).
120. **Кокшаров С.Ф.** Раскопки поселения Ендырское VII // Археологические открытия 2009 года. – М.: Изд-во ИА РАН, 2013. – С. 290 (0,1 п.л.; авт. вкл. – 0,1 п.л.).
121. **Кокшаров С.Ф.**, Партанов Н.К. Археологические поисковые работы в Октябрьском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный

- округ в зеркале прошлого. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2013. – Вып. 11. – С. 202–204 (0,2 п.л.; авт. вкл. – 0,1 п.л.).
122. **Кокшаров С.Ф.**, Абакумова О.С. О миграциях приуральского населения в Нижнее Приобье в средние века // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том III. – Казань: Отечество, 2014. – С. 626–627 (0,2 п.л.; авт. вкл. – 0,1 п.л.).
123. **Кокшаров С.Ф.** Материалы по досейминской металлообработке с севера Западной Сибири // ЧЕЛОВЕК И СЕВЕР. Антропология, археология, экология: Материалы Всероссийской конференции, г. Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. Вып. 3. Разд. 2. – Тюмень: Изд-во ИПОС, 2015. – С. 153–155 (0,3 п.л.; авт. вкл. – 0,3 п.л.).

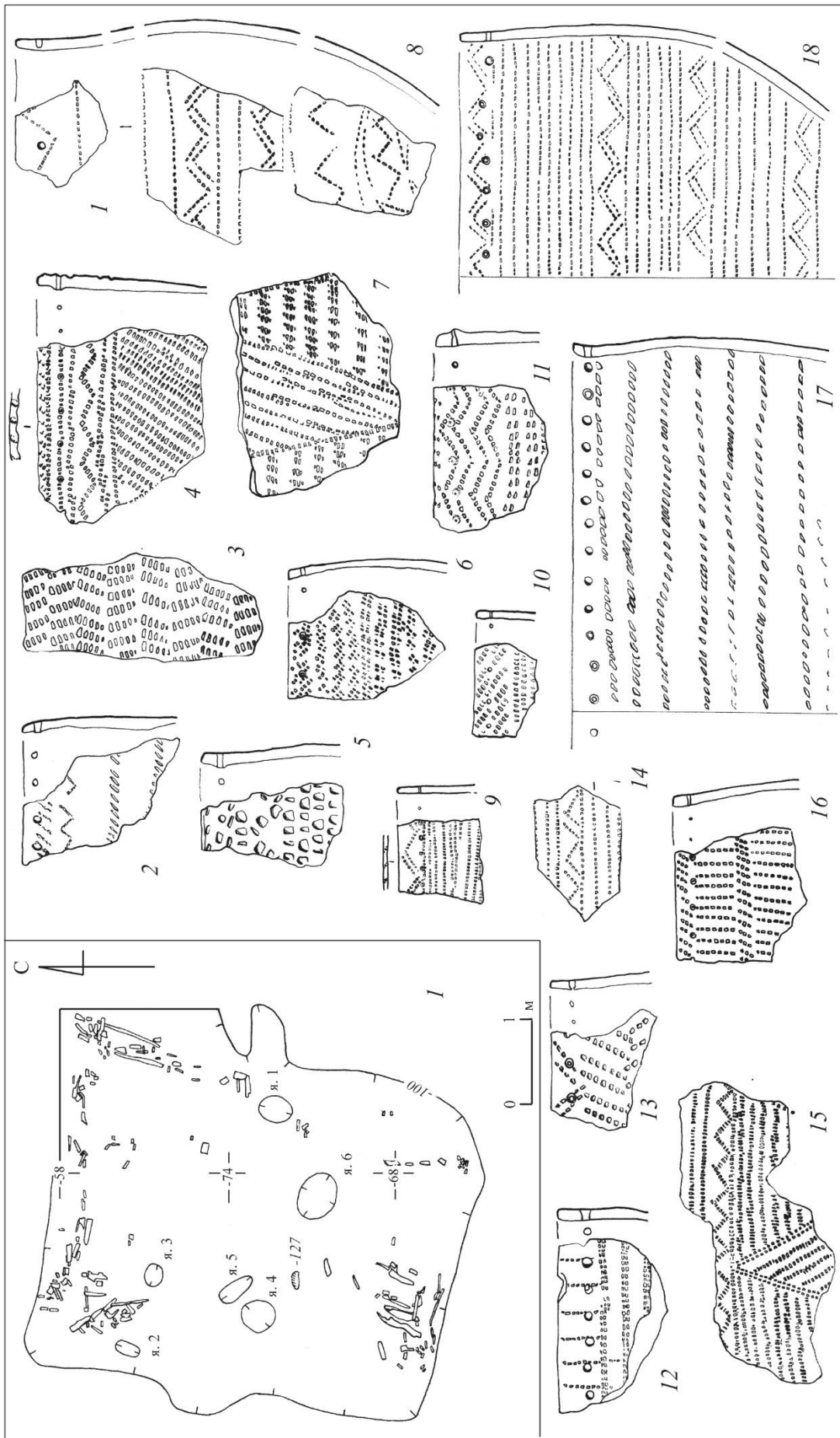


Рис. 1. Кондинская низменность в переходное время. Древности первой стадии (посл. треть IV—нач. III тыс. до н.э.): 1, 8, 18 — поселение Геологическое VII; 2, 12, 17 — поселение Ушья; 3, 14 — поселение Большая Умыгья III; 4, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 16 — поселение Самурское I; 6 — местонахождение Большая Умыгья V; 10 — Малая Речка



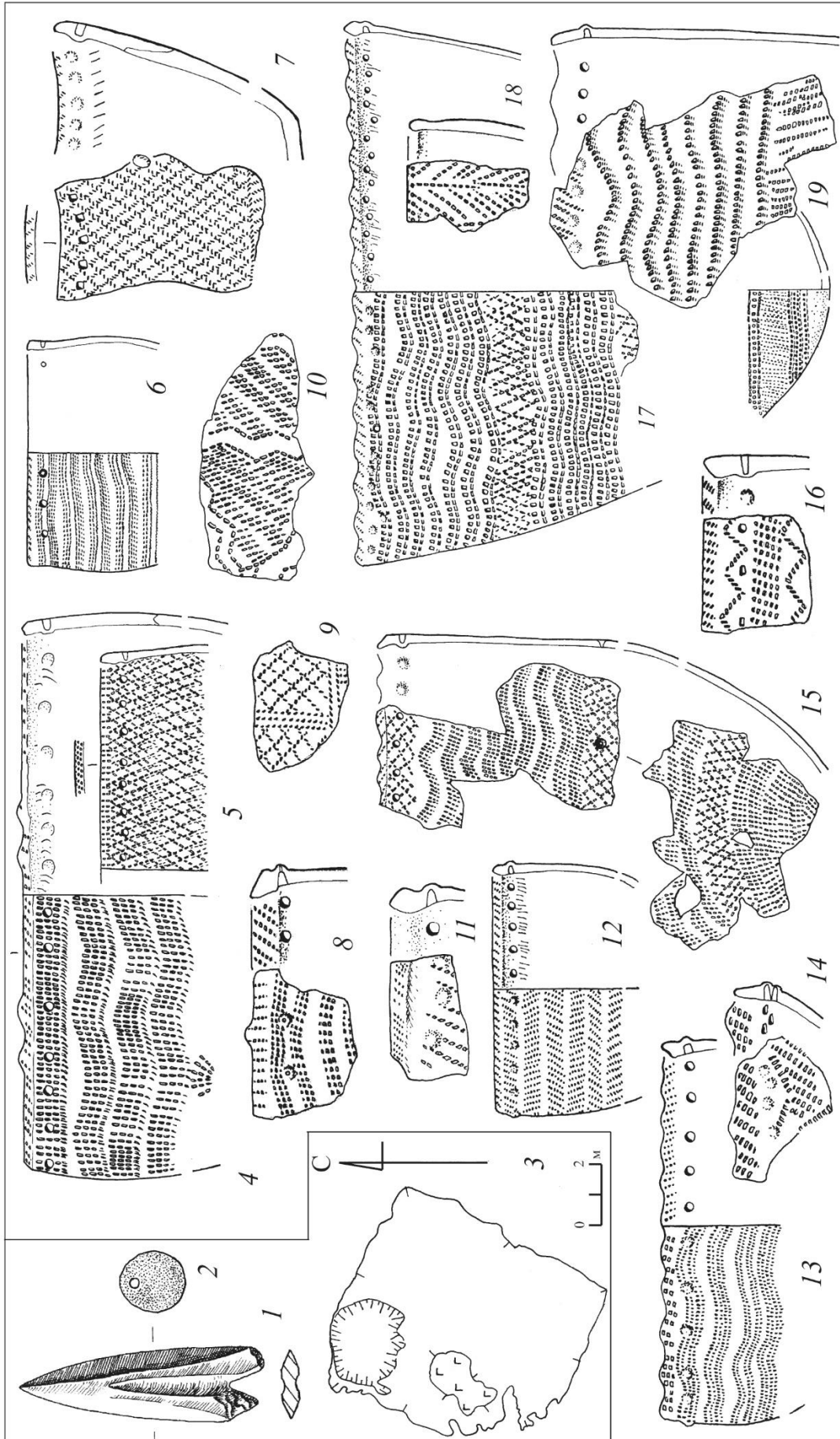


Рис. 2. Кондинская низменность в переходное время. Древности второй стадии (первая треть III тыс. до н.э.): 1, 13 – поселение Ушья; 2 – местонахождение Арпавла; 3, 12, 17 – поселение Енья; 4–7, 10–11, 14–15, 19 – поселение Геологическое III; 8, 18 – местонахождение Большая Умылья V; 9, 16, 16 – Малая Речка

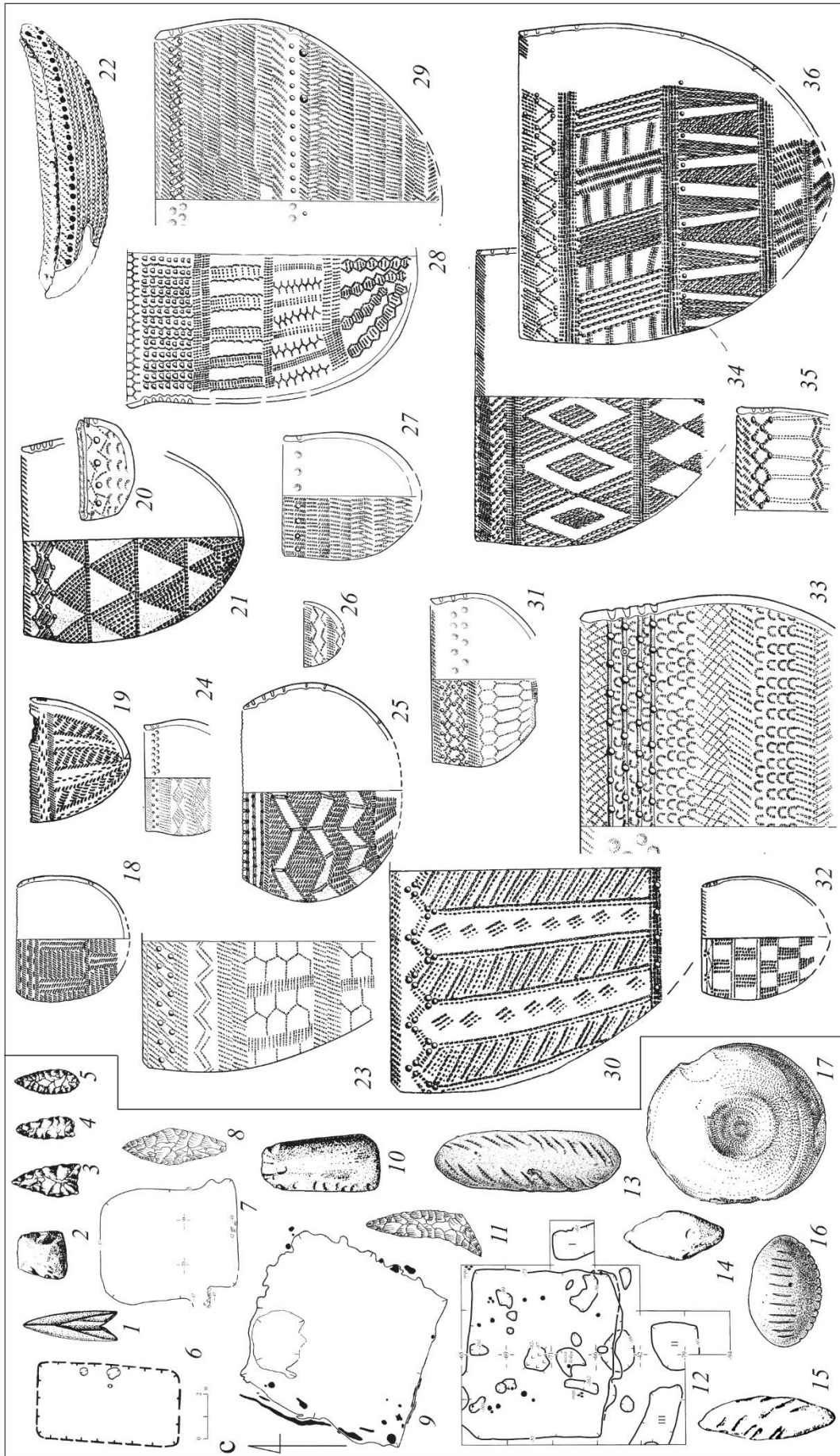


Рис. 3. Кондинская низменность в переходное время. Древности третьей стадии (вторая треть III тыс. до н.э.): 1 – поселение Пашкин Бор I; 2, 5, 12, 19, 21, 30, 32, 34, 36 – поселение Атымья VII; 3, 7 – стоянка Атымья II; 4, 6, 10, 14–15, 17–18, 22, 25 – поселение Атымья IV; 8, 11, 13, 16, 20, 23, 26–29, 31, 33, 35 – поселение Геологическое XVI; 9 – поселение Еныя 12

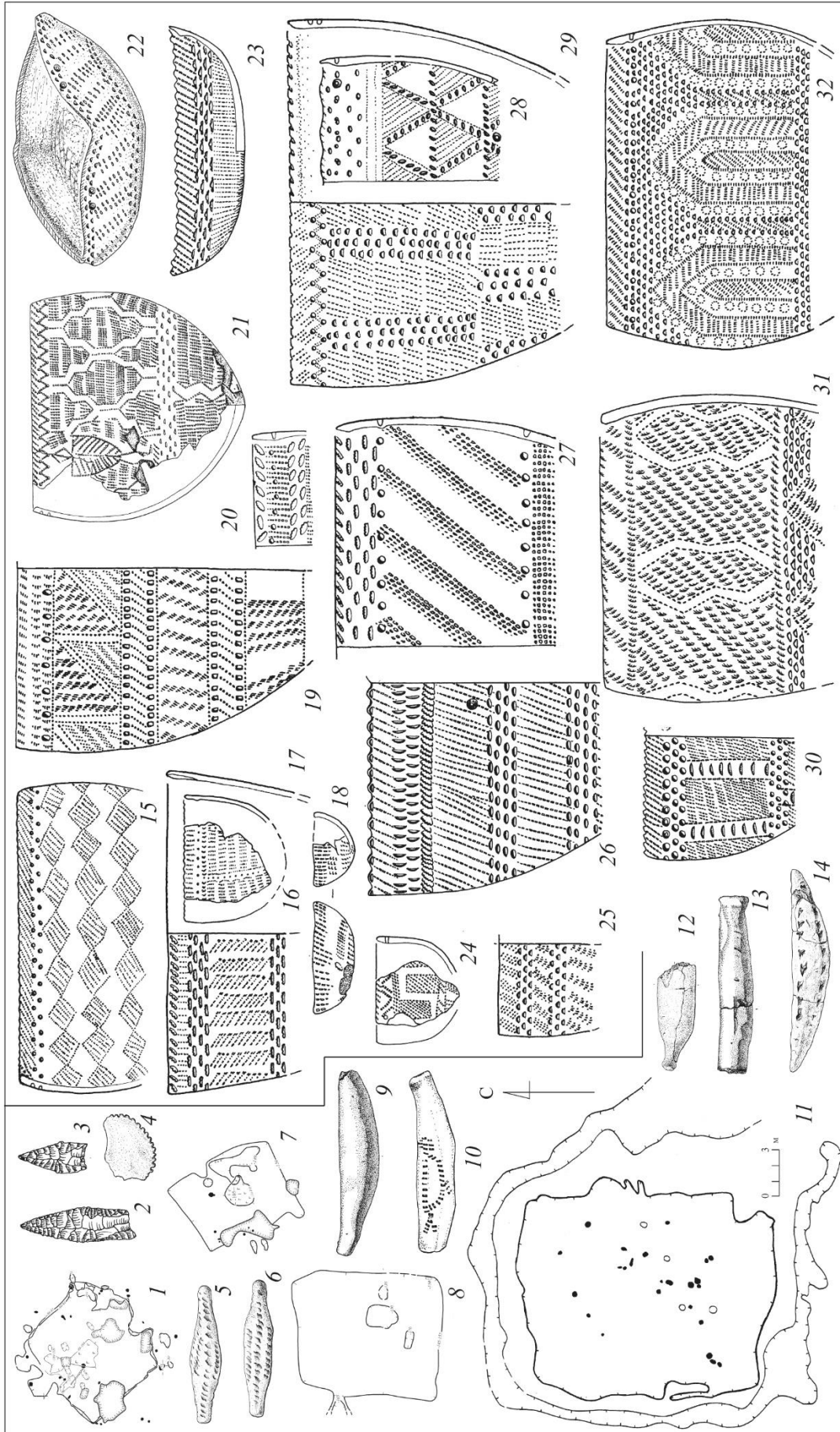


Рис. 4. Кондинская низменность в переходное время. Древности четвертой стадии (посл. треть III тыс. до н.э.): 1-6, 12, 14, 18, 23-24, 26, 30 - поселение Геологическое XVI; 7, 9-10, 13, 17, 19-20, 22, 25, 29, 32 - поселение Геологическое III; 8, 31 - поселение Леуши XIX; 11, 21 - поселение Воллонча I; 15-16 - поселение Леуши III; 27 - поселение Пашкин Бор I; 28 - поселение Геологическое VII

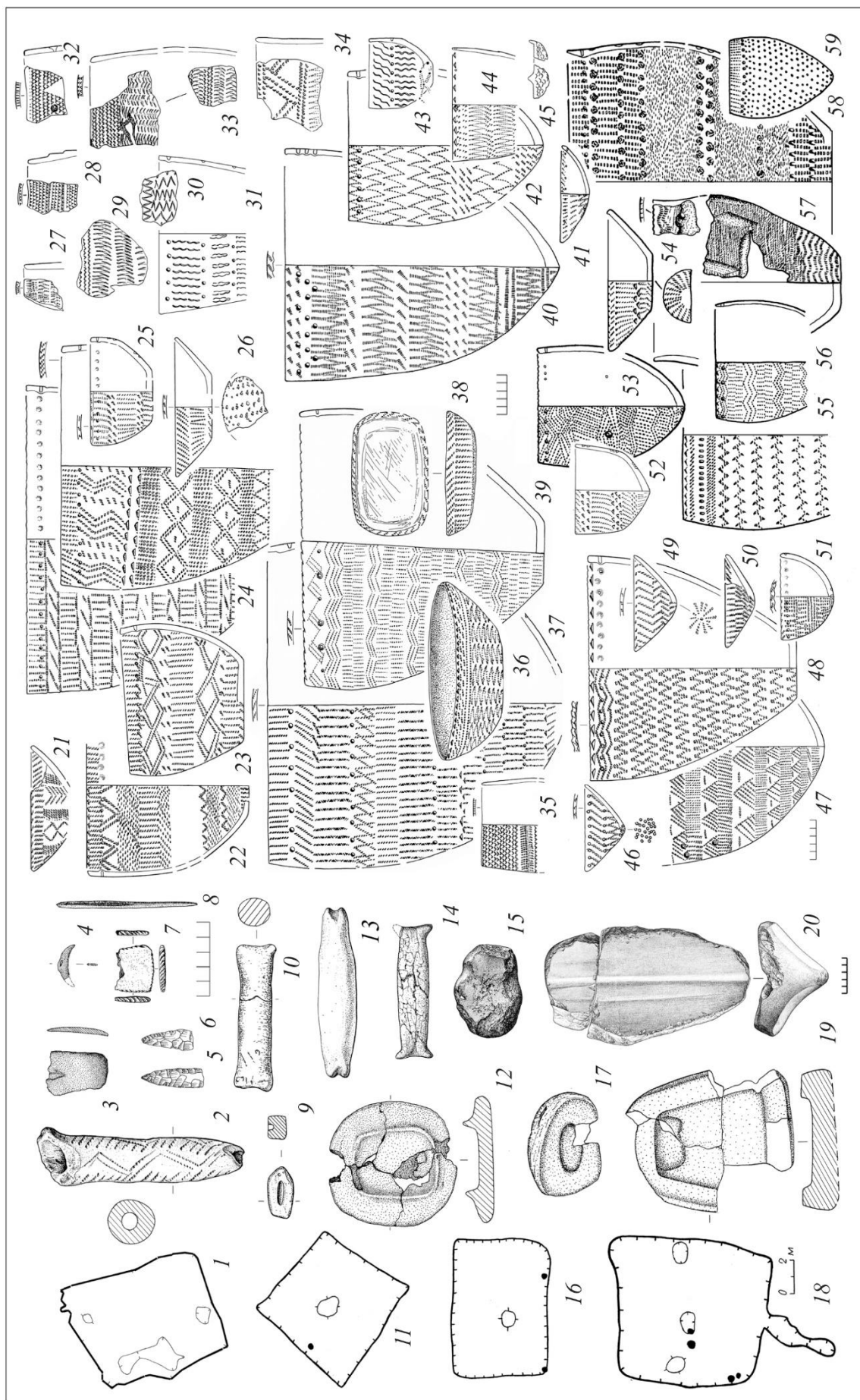


Рис. 5. Бронзовый век севера Западной Сибири. Досейминский период, первая фаза (рубеж III–II тыс. до н.э.): 1, 3, 4, 8, 10, 37–40, 42 – Геологическое III; 2, 5–8, 13–15, 20–26, 44–54, 58 – Геологическое XVI; 9 – Евра 25; 11 – Леуши XIX; 12 – Палатки II; 16 – Лева XII; 17–19, 31, 59 – Лева VIII; 27–33, 35 – Йоркутинская стоянка; 34 – Хаудымка; 43 – Таля I; 36, 41, 55, 56 – Саргынья I; 57 – Барсова гора I/3

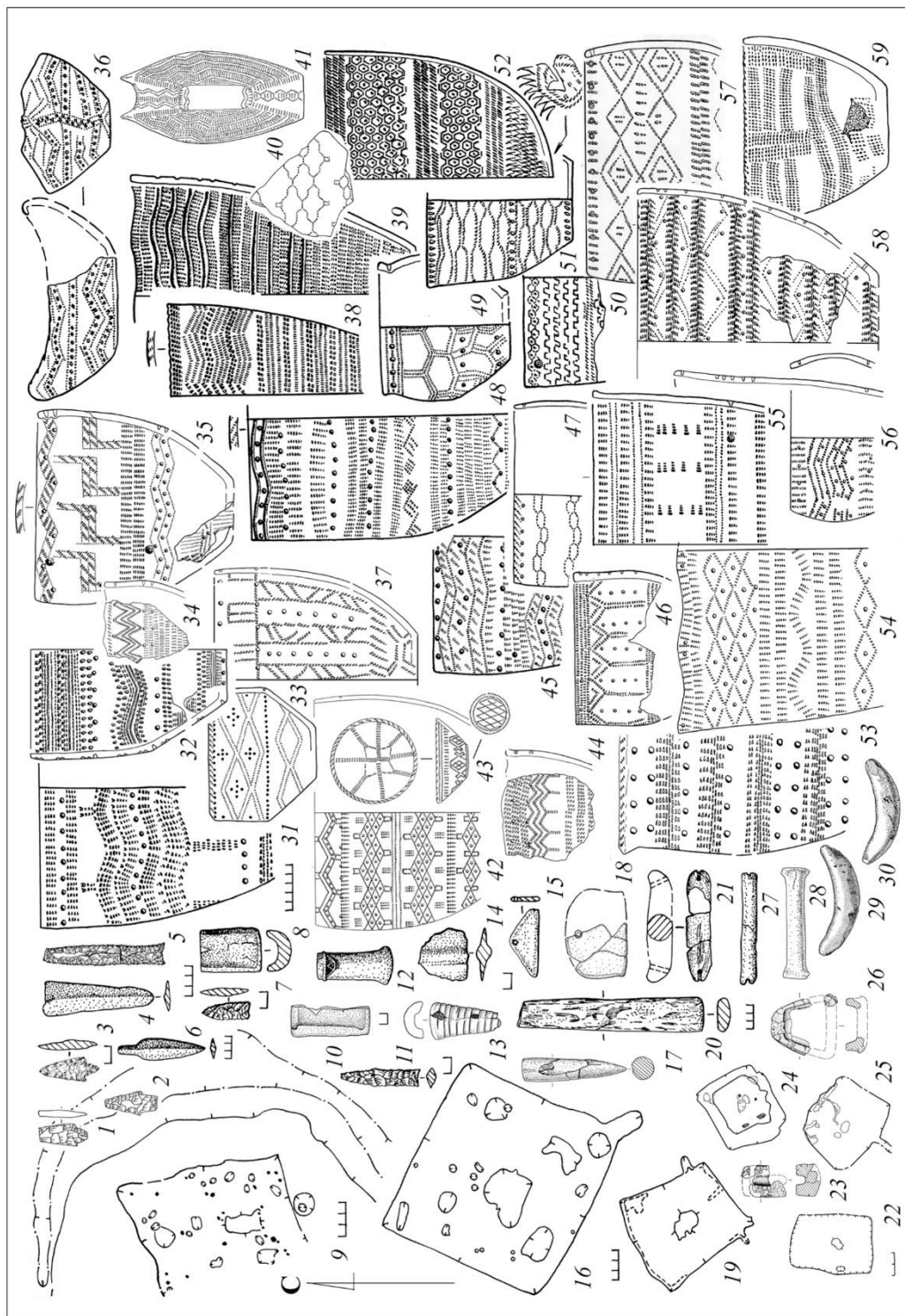


Рис. 6. Бронзовый век севера Западной Сибири. Досейминский период, вторая треть II тыс. до н.э.: 1, 2, 30, 35, 37 – Большая Умытъя 28; 3, 8, 9, 17, 18, 28, 31–33, 55, 58 – Пашкин Бор I; 4, 5, 7, 11, 20, 24, 29, 36, 42, 43 – Геологическое III; 6 – Тух-Эмтор IV; 10, 14, 27, 49 – Тух-Сигат IV; 12, 53, 56 – Воллонча I; 13 – Пякупур 3; 15, 16, 47 – Саргынья I; 19, 39 – Барсова гора II/8; 21 – Коим; 22, 45, 48 – Геологическое VII; 23, 25, 26 – Ендырское VIII (мастерская); 34, 44 – Барсова гора II/22; 38 – Барсова гора II/14 (ранний слой); 40 – Малоаглымское II городище; 41 – Шеркалы XIII; 46 – Быстрый Кульган 38; 50, 52 – Вары-Хадьга II; 51 – ЮАО-ХIII; 54 – Чилимка I/3; 57 – Паром I; 59 – Сатыга XVI (погребение 11)

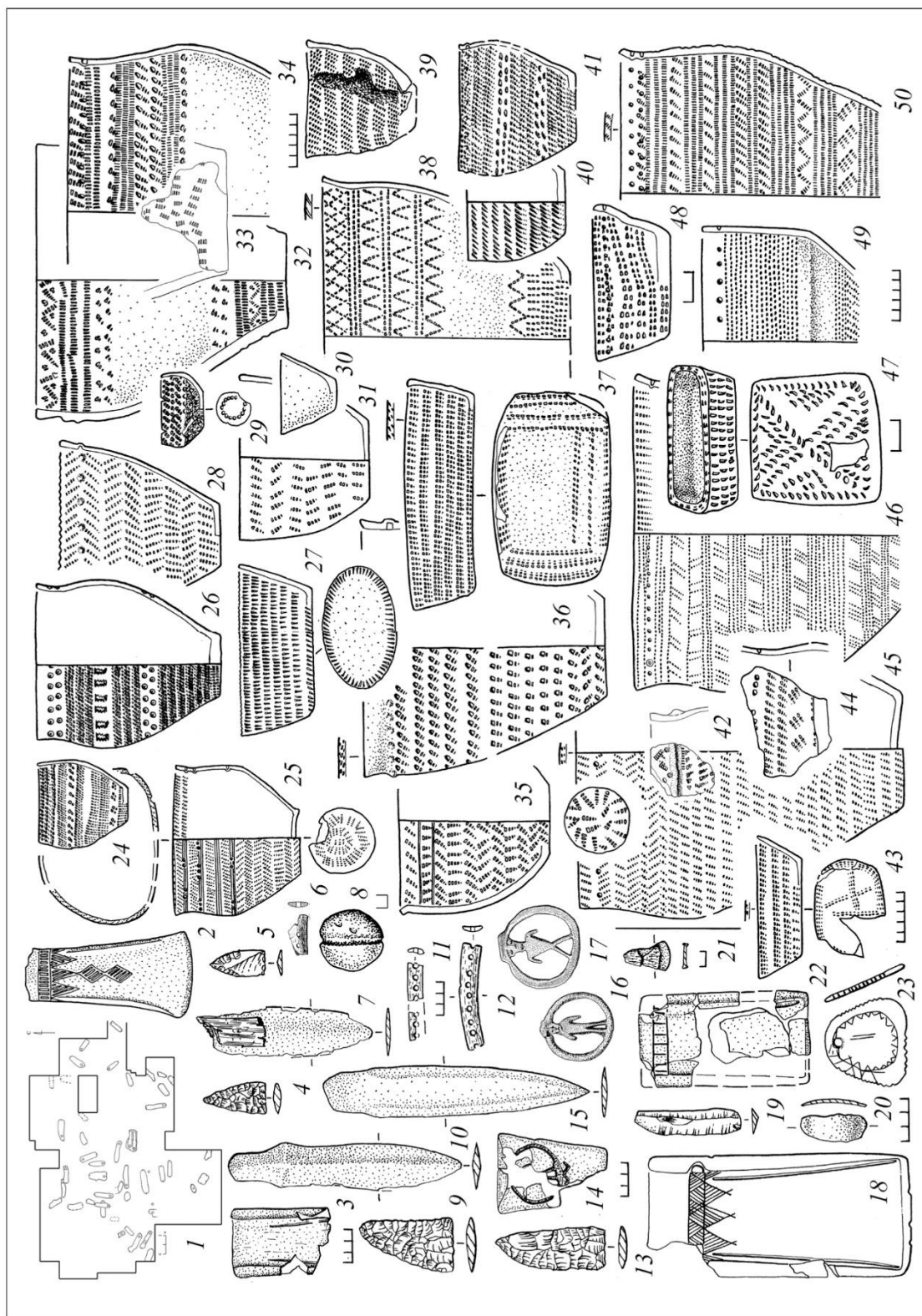


Рис. 7. Бронзовый век севера Западной Сибири. Сейминский период (вторая треть II тыс. до н.э.): 1, 5-7, 10, 12, 13, 15, 19, 21, 22, 25, 27, 28, 30, 31, 35, 37, 38, 40, 43 - Сагыга XVI; 2 - Самарово; 3, 11, 14, 18, 23, 36, 45, 47, 48 - Сайгатино VI; 4, 20, 24, 26, 29, 39, 41 - Товкуртлор 3; 8 - Дуванское XVII; 9 - Ямгорт I; 6 - Черноозерье; 17 - Боровлянка XVII; 32 - Нангакорка; 33 - Барсова гора I/26; 34, 44, 46, 49, 50 - Ленино I; 42 - Перегребное XIII

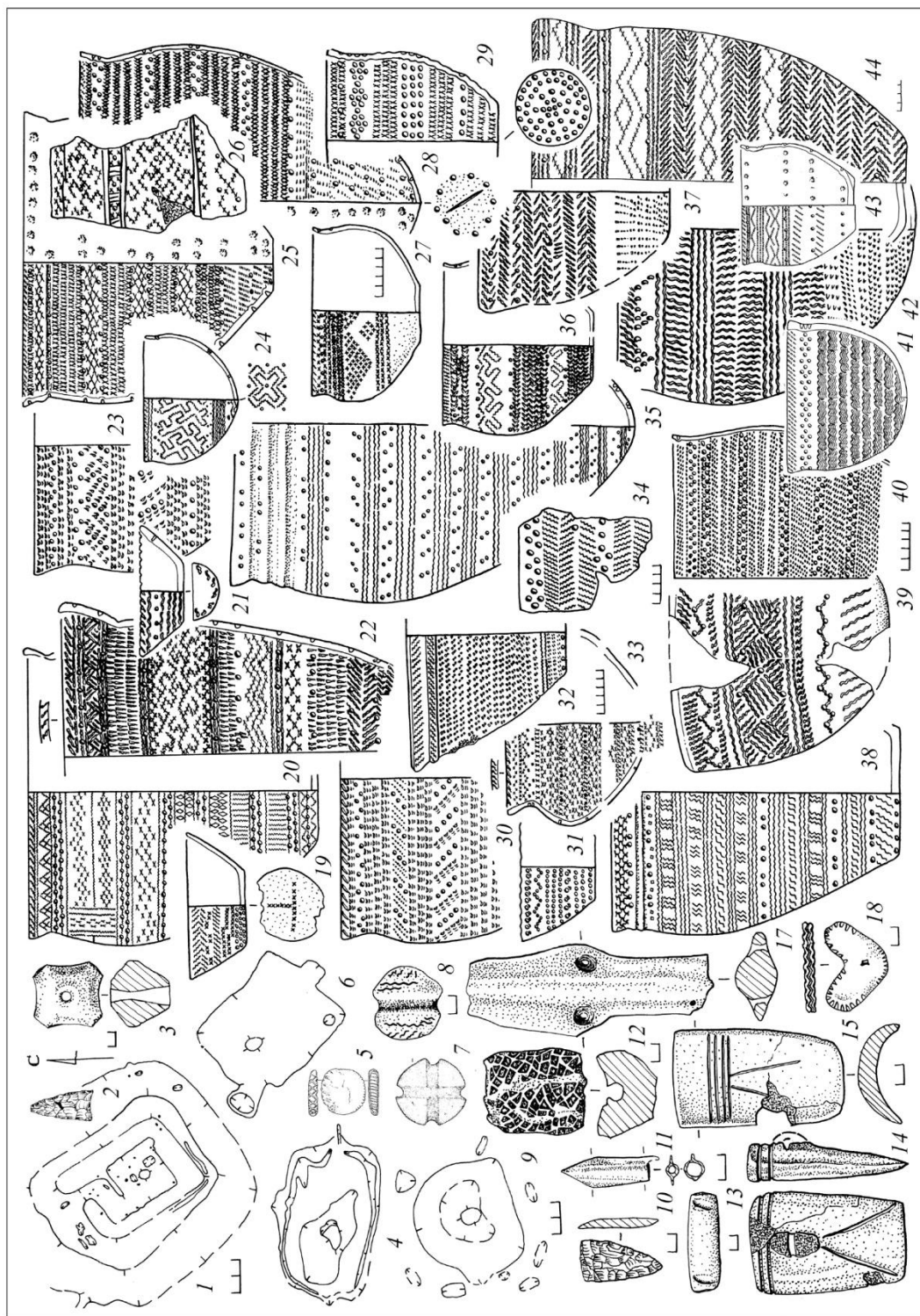


Рис. 8. Бронзовый век севера Западной Сибири. Постсейминский период (посл. треть II-нач. I тыс. до н.э.): 1, 18 – Туманские укрепленные жилища; 2 – Белая гора; 3, 13 – Барсова гора III, объект 107; 4, 42 – Нязьмы VIII; 5, 7 – Сатыга; 6, 24, 35, 36 – Талья I; 8, 12 – р. Конда; 9 – Барсова гора III/4; 10, 25, 28, 43 – Ендырское VIII; 11, 15 – Инберень VI; 4, 17 – Сузгун Паа; 19, 31 – Чилимка XXI; 20 – Тух-Сигаг IV; 21 – Соровское II; 22, 33, 37 – Барсова гора II/16; 23, 30 – Лучкино I; 26 – Пернашор; 27 – Чилимка XIII; 29 – Малоатлымское II городище; 32 – Барцевка IV; 34, 39 – Хэ-Яха; 38 – Барсова гора I/43; 40 – Чилимка I; 41 – Лов-Санг-Хум III; 44 – Перегребное IV